

Владимир
Рязанов

По прозе жизни

Владимир Рязанов

По прозе жизни

<https://litres.ru/74222419>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пишу только о том, что хорошо знаю, что волнует серьёзно, отчего болит душа и от чего получается искренне. Всё, о чём здесь сказано имело место в жизни автора или его знакомых, близких друзей, то есть, опять - непридуманные рассказы.

Владимир Рязанов

По прозе жизни

Владимир Рязанов

По прозе жизни

Автор сердечно благодарит за оказанную спонсорскую помощь и моральную поддержку друзей и знакомых:

Дьяченко А.В. (г. Москва, служащую Министерства Финансов РФ,) Клименкову Г.В., Голубеву Т.Л., Бабаева В.С., Тырышкина В.Л., (г. Куйбышев, предприниматель).

От автора

Пишу только о том, что хорошо знаю, что волнует серьёзно, отчего болит душа и от чего получается искренне. Всё, о чём здесь сказано имело место в жизни автора или его знакомых, близких друзей, то есть, опять - непридуманные рассказы.

На обложке: цветёт черёмуха (фото автора).

На титульном листе: зима молодая (фото автора).

Заставка к разделу «Рассказы»: Художник Антоненко В.П.

Заставка к «Маленьким повестям»: фотокомпозиция автора

С уважением В.Б.

РАССКАЗЫ

ИЮЛЬ

Он второй из трёх братьев месяцев, утверждающий миг времени Летней Благодати. Младший братец, предыдущий месяц, едва объявив её, заколебался, уступая иногда Времени Весеннему, допуская в свои временные владения прохладу и ночные холодные дожди. Огорчая этим всё живое, воспрянувшее, радуя изредка лишь настоящим зноем яркого солнышка, и оттого празднично оживающей, зацветающей зеленью трав на лесных полянах, веселеющей листвой деревьев. Ушёл он, сдав вахту так и не осмелевшей Летней Благодати старшему....

Итак - Июль. После нескольких дней прохладной задумчивости разразился он жарой да дождиками, сначала несмелыми, нетёплыми, потом обильными ливнями с грозами, щедрым солнышком. И ожило опять всё. Особенно видно это на Природе. Бросились в рост обильно и густо буйные травы, наливаясь соками земли, зацвели, радуя взор своей яркостью, буйством, и стремлением....

Оказавшись в утреннем лесу, освещённом горячим солнышком, затуманенном после ночного ласкового дождика,

невозможно оторвать очарованного взгляда от любого пейзажа, от каждой травинки в своей раскрывшейся красе. Даже невзрачный на вид пустырник, будто налившись соками земли, в серебристых мельчайших капельках на листочках, скромных розовых цветочках, кажется таким красивым, от влажности прозрачным, и, кажется, подрастает на глазах в этой тёплой туманности утра, излучая вокруг себя ту лечебную ауру спокойствия и уверенности, которыми обладают его горьковатые отвары.

Таволога вязолистая, или лабазник - в простонародье, вечный душистый спутник наших полей среди берёз, отяжелевшей от влаги и аромата слегка поникшей дымкой – метёлочкой, кажется, тоже пьёт тёплый влажный утренний воздух. И растёт, растёт на глазах, хотя дымки - метёлочки цветов его уже на уровне человеческого роста. И, о чудо: чуть взжужжав, из-под такого цветка – метёлочки, выбирается, выкарабкивается, (ночевала что ли?), от дождя здесь укрывшись, огромная пчела, нет - не шершень, но - необычных размеров, не матка ли? Взгромоздившись на влажное соцветие, почесала носик, что весь в пыльце, передними лапками, замерла на мгновение, согреваясь под ласковыми лучами встающего солнышка, пьёт нектар, погрузив в соцветие свой хоботок- жало. Улетает, насытившись, перегрузившись ли, от густоты ли влажного душистого воздуха, тяжело, медленно, сочно гудя – навстречу встающему солнышку. Провожая её уважительно, восхищённым взглядом.

И растут, благоухают травы своим цветеньем, густо и приятно пахнут даже те, что не имеют цветов....

Кукушечки уже не слышно, в этом году она будто простудила голос. В Мае куковала изредка, хрипло. В прохладном Июне слышал её непрозрачный, не звонкий голос изредка. Вот и синих цветочков, кукушкиных слёзок, так необычно пахнущих свежестью весны, лета, обновившейся жизнью, даже не видать, мало их было нынче – не постаралась, не заплакала Кукушечка. Спрашивал её – сколько мне осталось? В прошлом-то году – накуковывала мне до четырёхсот лет. Не поверил я ей – несерьёзно всё она сообщала мне, да и птица она несерьёзная – лишает сама себя материнства, подсовывая своё потомство в гнёзда доверчивых птах, из-за одного этого нет ей веры у меня, ставшей за это притчей во языцах – люди давным-давно прозвали таких горе-матерей её именем - Кукушками. Нынче же, испросив её несколько раз мысленно – слыша опять в ответ: от четырёх до четырёхсот. Не верю я тебе – Кукушка! Буду жить столько, сколько положено....

Ступаю в туманный, очарованный Летней Благодатью безрезнячок. Чувствуется, что лесок насыщен обитателями леса и поля – жужжанье, писк и шорохи, порханье, голоса птиц, совсем близко вскрики и возня сорочьего выводка. В прохладном Июне здесь я обнаружил заросли пучки и изредка лакомился сочной её мякотью - не забылось ещё с далёкого босоногого детства. Теперь уже не полакомиться – цве-

тёт пучка желтоватым цветом, стебель жесткий, не откусить. Цветёт, отцветает шиповник – близкий родственник королевы цветов – розы, так вдохновенно и любовно воспетой во всех ракурсах на каждый случай бытия человеческой жизни ещё с древности поэтами Востока. И видя благоухающий, покрытый пылью влаги, согретый солнечными лучами цветок шиповника, вспоминается что-то из известных строк Омара Хайяма, который симпатичен мне за умение в тесноту четверостишья своих газелей так кратко и живо втиснуть и смысл жизни, и понятную горечь ухода из неё, и мимолётное чувство, и возглас восхищения, и истину бытия, и запах увиденного Своего Времени, и благоуханье той же любимой слагателями Востока розы. И у меня невольно рождается:

Я засмотрелся на розу – на королеву цветов....

В ладонях моих занозы от колких её шипов.

Тянется сердце к красивым, глупое сердце моё,

Будешь ли ты счастливо радостью до краёв?

Ловлю себя на том – не так всё, как у слагателей Востока, не тонко и не восхищённо, несколько буднично. С горечью и радостью истинного нашего бытия, с оттенком обыденности. Что ж – вполне закономерно – мы продукт разных цивилизаций и времён...

Потянулся к шиповнику – действительно колюч. Хотел сорвать, что помоложе, побег пучки, что рядом, как произошло невообразимое. Облезлая похудевшая, с поредевшим оперением, вскрикнув, из-под густого пучечника выпорхну-

ла кряква. Раздвинул руками мокрые листья и обнаружил гнездо – девять желтовато-зеленоватых слегка яиц и тут же прикрываю не дотронувшись. Невероятно! Поздноватенько что-то захотела стать уточка мамой. Уже середина Июля, а я видел в озерке уток с крошечным потомством ещё в Июне. Что ж – видимо, у неё тоже обстоятельства, как и у людей, что семью заводят поздно. Выпорхнула, припозднившись – выжидала, думала – пройду, шел-то я осторожно, ступая бережно, да вот – рванул пучку, где ж тут усидеть?..

Тихонечко поспешил из околочка – пусть скорее вернётся уточка на гнездышко, наверное, вот-вот вылупятся её детки, быстрые, неуловимые крошечные, приятно похожие на пушистые почки майской вербы. Странно, отчего же она выбрала для гнездовья неподходящее совсем для этой цели место – околочек берёзовый, редкий, на возвышенности, водоёмов поблизости – никаких, озеро ближнее - километрах в трёх, кругом - сухопутье, гнездо-то странно устроено – под развесистой пучкой...

Выходил сквозь туманное облачко по гривке, сквозь весёлые лучики солнышка, густо припорошенный пылью цветущих трав, пропахший запахами леса и поля, промокший до нитки от росы и туманной влаги, среди дымок-цветов та-вологи, по звёздочкам цветков зверобоя и пижмы, по незабудкам, по клубничнику отцветшему, с завязью ягод, обещающему, хоть и поздновато, хороший урожай. Уходил с добрым настроением праздника от увиденного, обогретый лас-

ковыми лучами, с мыслью утвердившегося чувства – всё суета, это и надо понять всем, лишь Природа вечна, прекрасна, щедра. А мы - всего лишь малая частица её. Оттого и уверенней, и просветленней чувствуешь себя после свидания с нею....

Вдалеке, тоже во влажной дымке и золотых лучиках, необычно свежими красками радует взор голубовато - зелёный массив хлебного полюшка. А ещё далее – такой красивый и безмолвный ввиду отдалённости - Мой Город, моё обиталище с отпущенным отрезком Моего Времени в Летней Благодати. Июнь-июль 2008г., г. Куйбышев.

ПРОЩАЙ, ОКТЯБРЬ

В последнее воскресенье месяца захотелось мне побывать в родных окрестностях. Увидеть изменения в родной Природе перед зимним забытьём, до которого, правда, по календарю ещё целый осенний месяц Ноябрь. Так-то оно так, только в наших краях Зима может вступить в силу и до этого заветного срока. И тогда, заглянув в наши леса, увидишь уже не Осень, а настоящую зиму. Но мне-то хочется ещё увидеть любимое времечко года...

Хотел, было, доскочить до родимых мест, но с тракта свернул по старой патрушевской дороге, по причине того, что день-то уже на исходе. Места мне знакомы, в летнее время здешние леса одаривают грибами да ягодами.

Октябрь в конце своём в наших местах может предстать,

уже говорил, и во всей красе пышной Хозяюшкой Осенью, может и пасмурным зазимком. Но пышной и яркой Хозяюшки уже не обнаруживаю – леса и кустарники чернеют своим обнажением, лишь отдельные листочки своею желтизной дрожат и машут мне приветливо с ближайшего осинника да убранное пшеничное поле с левой стороны манит к себе густым хлебным духом, знакомым ещё с детства. И решаю остановиться здесь....

Останавливаюсь у самой кромки осинника. Едва открыв дверцу, чувствую объятие осеннего леса, знакомые запахи увядшей опавшей листвы, пожухлых трав и хлебushка. Оглядываю убранное поле. Одна половина празднично желтеет стерней. Другая - резко чернеет жирной свежей землицей, пройденная уже глубоко лушильником. Привычного праздничного вида жатвы – поля, уставленного строем соломенных копен, не обнаруживаю. Теперь комбайны измельчают солому и разбрасывают по убранному полю. Следующим этапом новой технологии земледелия – глубоким лушением солома равномерно распределяется по почве, где быстро перепревает, таким образом земле возвращается потерянная в результате полученного урожая органика, и восстанавливается плодородие. Хорошо продумано, выгодно обосновано, но у осеннего убранного хлебного поля нет привычного праздничного вида, что веками видели и чем любовались наши предки, этого требует и наш глаз, тоскует по нему душа. Для неё нет теперь того праздника.... Ну, так распорядится

жизнь, в которой всегда что-то меняется, уступая трезвому расчёту...

Мне же хочется посидеть на свежей соломенной копёшке, где так уютно, где пахнет землёй, и где царят хлебные запахи нынешнего урожая, обещающие сытость и человеку, и его скотине, и всем обитателям этих лесов и окрестностей. И я ищу глазами предмет моего вожделения. И вот за осинником различаю на самой его опушке желтоватый холмик. Через осинник направляюсь к нему.

Опавшая, поблекшая, но не совсем высохшая листва свежо шелестит, не шуршит под моими шагами. Облетевший кустик шиповника, без привычных ярких плодов – нынче на него урожая не было. Грибами уже не пахнет – отошло их времечко. Остатки гроздочки костяники в две ягодки, оказавшиеся у меня во рту, холодят нёбо, отдают приятной кислинкой на язык, сладко напоминают о прошедшем жарком лете, отдаются грустинкой по нему, ушедшему, кусочку бытия - Нашему Времени, что иногда одаривает нас своими счастливыми мгновениями. Из - под ног моих с шумом вырывается угольно-чёрный красавец тетерев. Уж не тот ли голопузый подлёт, которого я обнаружил здесь в конце июня, что совершенно лишённый ещё оперения, вырвавшись из трав, пролетел тогда от меня в сторону метров пятюк, упал, затаившись. Его я отследил и нашёл тогда в густой траве, совершенно голенького с двумя едва пробившимися чёрными пёрышками в хвосте, и двумя-тремя зачатка-

ми маховых перьев в каждом из крылышек. Испуганное сердечко будущей птицы жарко пульсировало в моей ладонке сквозь голую ещё кожицу, отсчитывая мгновения, будто секундомер. Я подбросил высоко эту будущую птицу, и она спланировала в цветущие травы, в густой вязиль уже много дальше от меня. И подивился я тогда волшебству Матушки-Природы и её созданию – чем лететь-то этому несмышлёнышу, которому едва неделя отроду, голопуз ещё, и крылышки-то голёхоньки? Однако ж – летит, летает, пусть и недалёко...

В этих воспоминаниях добрался до желтеющего заветного бугорочка. Эх, не прыгнуть с разбега-то в него, как в пышную духмяную копну соломы, как когда-то! Но присаживаясь на него, окунувшись в знакомые праздные запахи и размышления, я точно знал, как будут пахнуть, что напоминать мне сладко эти окрестности; и всё это сбылось, оправдалось – за тем и шёл. Не зря шёл...

Но бугорок оказался не только соломой – на повороте у тракториста, лушившего поле, агрегат забился набравшейся соломой вперемешку с землицей плодородной, пришлось освободиться от этого груза. Спасибо случаю...

Шуршит где-томышь. Бедолаге, видимо и схорониться при такой технологии уборки негде, но пропитание вот оно – замечаю золотистую дорожку просыпавшегося зерна на черной земле среди стерни, а среди зёрен россыпь заячьих орешков.

Рядом по шоссе снуют автомобили, шумновато, но и всё равно – едва в сторонке здесь – другая совсем жизнь. И это так отратно...

Уходящее на закат осеннее солнышко, наконец-то, в первый раз после полудня, вырвалось из-под хмурившихся нагромождений тучек. Озарило и полюшко, и осинник, который стал уже смотреться празднично. Да и не только он – окрестности наполнились сочными красками от его живительных тёплых лучиков. Но не надолго – спустя немного, и оно ушло на покой, и все пейзажи оказались во власти надвигающихся сумерек – картина не менее интересная. Всё вокруг готовилось к осенней ночи – замирало, расплывалось в очертаниях. Только оставшиеся ещё румяные листочки на осиннике, через который я шел к машине, подрагивали в густеющих сумерках, безмолвно и трепетно. Как бы прощаясь со мной, может, и с уходящим месяцем – прощай Октябрь...

Оглянулся на хлебное поле, сумеречное, теряющее очертания. И показалось мне – скок – скок по хлебному полюшку. Да нет, не показалось – скачет зайка со стороны пролущёной черной стороны на хлебную, не тронутую ещё луцильником, сытно желтеющую.

27.10.2008г. г. Куйбышев.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Всем был доволен в своей жизни Вадим Петрович. Хотя

было в ней – все, как и у всех и ничего необычного. Сын сельских жителей, переехавших в город и неплохо там освоившихся со своими пятерыми ребятишками. Школа, ПТУ, служба в армии. А после работа на местном заводе в качестве слесаря. Уживчивый, добрый характер, что приобрел он в дружной большой семье да умелые руки делали его весьма уважаемым в коллективе и среди близких людей. Платили по тем временам неплохо. Статный и высокий, русоволосый, среди заводских девчат слыл он завидным женихом. Однако, нравилась ему одна, красавица Валя, Валюша - его одноклассница, что писала ему в армию такие теплые и добрые письма. Все бы хорошо, да размолвка случилась во время его побывки после первого года службы прямо уж и не подумать, где да из-за чего, а в родительском доме вовремя вечеринки по поводу убытия его для дальнейшего прохождения службы. Приревновал к подсевшему к ней Пашке, тоже однокласснику, получилось все глупо, нелепо и грубо, что так оскорбило девушку, оттого еще, что было все не так и не эдак. И обиделась Валюша – голубиная душа. И оттого за второй год службы не получил Вадим от девушки ни одного письма – ни плохого и ни хорошего, хотя сам писал ежедневно, обирая для этого сослуживцев конвертами и бумагой. Просил простить его, признавался, что был неправ, однако, ответа не было...

Придя из армии, первым делом побегал Вадим к заветному дому, где был хорошо встречен Валиными родителями,

да и самой Вале́й, засто́лье было. Однако потом все так и не наладилось. Два года ушло у Вадима на то, чтобы вымолить прощение у девушки.

Зато потом было у них все ладно, да всем на зависть – была свадьба, а потом получили двухкомнатную квартиру, росли сыновья-погодки, в доме покой да согласие, радость и достаток. Им завидовали, их ставили в пример. Вадим после той злополучной вечеринки, где произошла ссора с его обожаемой Валюшей, со спиртным – ни-ни, и так всю жизнь...

Таким он был и сейчас, сидя, горя у могилки любимой своей супруженьки. Соображал, в какой уголок оградки он посадит березку, а может, и не одну, а где цветочки – любила покойная, обожала и то, и другое.

Строил планы, чем будет жить, а сознание временами мутилось от невосполнимой потери: «Э-э-х! Жить бы, да жить, едва ведь вышли на пенсию ...» Но и понимал при том – у Господа свои планы.

Старший сын Евгений с семьей жил здесь же в городе в хорошей квартире и работал мастером на заводе. Красивая порядочная жена, трое детишек у них, теперь уже почти взрослых, их с Вале́й внуков.

Другой, младшенький, как говорила покойная супруга, Сереженька, умница, работает научным сотрудником в каком-то институте в Ленинграде. И жена его тоже работает там же, и у них двое ребят, внучат, значит, и квартира в центре города с видом на Неву. А сноха-то Питерская такая ин-

теллигентная да уважительная...

Значилось: необходимо жить для них, а значит, и получать от них поддержку, хотя бы моральную в трудную минуту, пенсия-то заработана, квартира есть. Есть и друзья – кореша, с юности, ну ещё охота да рыбалка – страсть и слабость, которыми заразился ещё с юности. А жениться он больше не хочет...

Так рассуждал Вадим Петрович, успокаивая себя перед случившейся неизбежностью и непоправимостью, а последнюю мысль он даже произнёс вслух, успокаивая, видимо, покойную теперь свою Валюшу: «А жениться больше не буду...»

Прошло два года, которые Вадим Петрович прожил по новым своим заветам – заботясь о близких, обустроивая могилку своей Валюши, изредка предаваясь рыбалке. Казалось, жизнь его входила в новое нормальное русло, живи спокойно себе. Однако всё круто изменилось в худшую сторону – ни с того, ни с сего запил горькую старший сын Евгений.

Сначала семья молчала, крепилась, наконец, обратилась к Вадиму Петровичу. Однако, ни уговоры, ни просьбы, ни лечение – ничего не помогало. Природа, казалось, старалась влить в него за всю жизнь не выпитое им самим и Вадимом Петровичем.

Долго ли, коротко ли, но года через полтора уже безработный, отторгнутый семьей, Евгений оказался в двухкомнатной квартире отца. И тогда кончилась размеренная жизнь

Вадима Петровича, а сам он уже через некоторое время уже оказался не хозяином собственной квартиры. Пьющие ко-реша и товарки сына, круглосуточные застолья превратили этот маленький рай в притон. Стало исчезать годами нажитое вместе с Валентиной, а сынок Евгений день ото дня давал понять, что он теперь тут хозяин. Жизнь Вадима Петровича превращалась в кошмар. Уже и домой идти не хотелось и давно появилось желание выбросить из квартиры непутёвого сынка за шиворот, но пришло решение, рациональное, щадящее, что далось ему так нелегко. Продал, скрипя сердца, он свою двухкомнатную, где столько дорогих воспоминаний о прошлой жизни, о семье, о молодости, о дорогой женушке, о детишках, что были малы да несмышлёны, тем и милы. Продал с целью купить потом две однокомнатные, чтобы не жить под одной крышей с пьющим сыном. Купил одну однокомнатную, вселил туда непутёвого Евгения, приценился, было, к другой такой же для себя, но рынок есть рынок, цены вдруг на жильё удвоились и вторая квартира стала недоступной. Продал Вадим Петрович после недолгих раздумий гараж, «Ниву», охотничьи принадлежности, но цены на жильё опять подросли, и этого не хватило.

Впервые в жизни растерялся Вадим Петрович, не жили мы в рынке – с причудами его не были знакомы, а теперь вот, ...но осенила мысль – поеду-ка жить к Серёженьке в Питер, он человек учёный, умница, да и жена у него такая интеллигентная, пригреют, много ли нужно мне, пенсией обеспе-

чен. Простился с друзьями семьи и знакомыми, ни от кого не скрывая своих намерений, сменить место жительства и уехал.

Однако уже через месяц вернулся Вадим Петрович в родной город какой-то тихий, неуверенный, знакомых сторонился, чаще всего уходил на кладбище, на могилу жены, о своем пребывании в Питере у Сергея никому не рассказывал. Обмолвился о своей поездке только с близким другом семьи Иваном, тоже овдовевшим и предложившим перейти жить к нему. Но это уж стало известно позднее, после всего случившегося...

В Питере прожил у Сергея с недельку как гость во внимании и почете. После рассказал Сергею о своих планах жить под одной крышей с ними, как почувствовал к себе совсем уж другое отношение. А однажды за ужином сноха, жена Сергея, нисколечко не стесняясь, боясь как бы быть не высказанной, «интеллигентная такая», заявила при всех: «Что же это вы, папа, Женьке, алкашу всё и все деньги оставили, а сюда на всё готовое приехали?» Все, и внуки, и сын Сергей как-то нехорошо промолчали, скомкав ужин, как бы стараясь побыстрее покончить с ним, разошлись, пряча взгляды от Вадима Петровича. В ту же ночь Вадим Петрович отбыл в родной город. Никто его не провожал, только сын у порога, глядя куда-то в пол, произнёс сквозь зубы: «Сам ты, батя, виноват во всём». Тогда Вадим Петрович с правотой в голосе и спросил: «В чем же, сынок, виноват я?» Ответа от сына

он не услышал...

У Ивана Вадим Петрович переночевал всего одну ночь, отказавшись перейти к нему жить, сказав приятелю: «Всё это временно... да чего я тебя буду стеснять...» И ушел. Сначала к сыну Евгению, но видели его там соседи всего раза два – жить-то там, конечно же, в том вертепе непьющий и чисто-плотный, глубокопорядочный Вадим Петрович не смог бы, сынок-то не исправлялся, а наоборот ещё и более того.

Видели его горожане в почтовом отделении – получал пенсию, говорят, что навещал Вадим Петрович семью Евгения – внуков проведаль. Зарос бородою, одет был просто и сурово в клетчатую рубашку, в штормовку и брюки из грубого полубрезента, обут в армейские ботинки. При встрече со знакомыми был прост и приветлив, но немногословен и о себе не распространялся, а сами знакомые не интересовались его жизнью. Говорили, что он переселился к озеру, что в пяти километрах за городом, и что живет не-то в палатке, не-то в землянке, рыбачит. Местные рыбаки и охотники подтверждали это, не уточняя, однако, в палатке или землянке проживает Вадим Петрович и чем занимается. Живёт себе да живёт, и только.

Стояла яркая и тёплая осень, помнится, и август, и сентябрь, и октябрь были таковыми. Труп Вадима Петровича нашли тогда же, в середине октября в том озерке. Охотники обратили внимание, что у северного берега в камышах прибило старую деревянную лодку, а потом ещё заметили изда-

ли, что время от времени чайки садятся на какой-то предмет, едва торчащий из воды, которого, по мнению наблюдательных, здесь быть бы не должно. Подплыли любопытные, предметом оказались чьи-то ноги, обутые в болотные сапоги. Так и извлекли тело Вадима Петровича. Ноги связаны бечёвкой, руки Вадима Петровича были едва спутаны у запястья точно таким же обрывком. В нагрудном кармане штормовки обнаружили записку, добросовестно заваренную в целлофан, квитанцию на почтовый денежный перевод в Питер на имя Н – ова Сергея Вадимовича на двести тысяч рублей, отправленный накануне и пенсию за октябрь месяц. В записке прочли: « В смерти моей прошу никого не винить... ».

Лицо Вадима Петровича поразило своей просветлённостью и одухотворённостью, как будто собрался этот человек на что-то великое, обязательное, что должно бы свершиться только и только им...

Следствием не установлено насильственных действий со стороны каких-либо лиц, повлекших гибель Вадима Петровича...

Через год, точно уж, в начале октября мы были с приятелем на том самом озере. Вспомнив недавнюю трагическую историю, мы пытались как-то восстановить картину проживания здесь Вадима Петровича. Ведь многим стало ясна причина произошедшего.

Со всех сторон озеро окружено топкими берегами с жидким камышом, с южной стороны – гривка с веселым берёзо-

вым лесом, далее – поля. Сколько мы не искали – землянки Вадима Петровича так и не нашли.

Погода стояла отличная. Солнечная, почти летняя. И даже не верилось в то, что случилось год назад на этом клочке земли, последнем рубеже Вадима Петровича, где он свою жизнь отстаивал святое чувство справедливости, порядочности от человеческой черствости, алчности, неблагодарности. Или хотя бы хотел примириться с ними. Не получилось...

Товарищ мой, не менее сентиментальный, на обратном пути в город, свернул на кладбище и показал последний приют Вадима Петровича. Они теперь вместе. Он и его милая подруга и жена. На каменном надгробии, выбитом, очевидно со свадебной фотографии.

Ноябрь 2007г.

ПОСЛЕДНЯЯ ОХОТА

Памяти Евгения Доброхотова

Загрустил в ту осень Сергей Вадимович, когда над провинциальным городком, оглашая окрестности волшебными кликами, проплыл первый клин отлетающих журавлей.

Осень – любимое время года, хотя, работая корреспондентом в сельхозотделе районной газеты, исколесив район за время работы, влюбившись в его природу, он твёрдо в душе уверовал для себя: в жизни все времена года хороши. Заядлый охотник, это у него в крови от деда и отца, грибник и

ягодник, он рассуждал для себя – ну стоит вот берёзка, склонившись над озеринкой, хороша в осеннем наряде, но и в весеннем, покрытая зеленоватой ещё дымкой, несколько не хуже смотрится, а уж в летнем, зелёном сарафане шелестящем, над голубым озерком, обрамлённом камышами, с парой лебедей, да выводками утиц – что тут скажешь, совсем приятная картина. Ну а над заснеженным озерком зимняя берёзонька? Нет, в жизни всё к месту, и все времена года хороши и приятны. Когда здоров человек. А со здоровьем у Сергея Вадимовича что-то не то, нынче даже на осеннюю охоту не ездил и весеннюю пропустил, что-то задыхаться стал, жена ворчит, это, мол, у тебя от курева. И курить бросил, но... не лучше, добавилась только головная боль - чего-то не хватает, гонит мысль от себя, обманывает, но организм явно подсказывает: «Курить, курить... Дымка бы табачного».

Но осень всё же любимое время года для Сергея Вадимовича, и когда отлетающий клин журавлей протрубил отбой ушедшему лету, дрогнуло что-то в нём, переломилось и заронило мысль – поехать на ближние озёрки, посидеть с ружьём и добыть хотя бы парочку утиц. Отогнал мысль, но тут сосед по ограде с охоты приехал, уток оттеребленных опаливает на костерке, одну из них подарить хотел, Сергею Вадимовичу предлагал. Но не взял он её, из гордости отказался, но запах... запах дичи палёной до предела наострил нервы, расширил ноздри, и вырвал решение – ехать, ехать непременно и завтра же.... Решил твёрдо – еду.

С вечера припас необходимой снеди: купил, как всегда банку тушенки, хлеба, четушку водки, достал картошки, несколько луковиц и соли. Достал с полки сарая котелки, ложку и чашку, палатку. Залил в бак мотоцикла бензина, подкачал колёса. Всё это потребовало усилий – пот струился градом по лицу, сердце бешено колотилось. Оставалось еще привязать лодку на коляске, да отобрать патроны для завтрашней охоты. Поздно вечером, водрузив лодку на мотоцикл, привязал её и, убедившись, что всё готово к предстоящей поездке, вздохнул с облегчением. Теперь покурить бы....

Утром, встав чуть свет, нехотя попил чаю. Сверлила мысль – куда поехать. Хотел, было на Святое озеро, но мысль эту отогнал – слишком близко от города, да и что там, сады близко, стрелять рискованно, и утка там прилётная да пролётная, на кормёшку прилетает поздно. На Медведкино озеро поехать? Утка там водится и северная может теперь свалиться, когда-то они с фотокорреспондентом Паниным успешно охотились там и частенько. Даже гусей добывали. Вокруг поля и околки глухие, тетерева водятся. Но и эту мысль отогнал Сергей Вадимович – напарника сейчас нет, где взять его, далековато, хватит ли силёнок....

Решил поехать на озеро Сарыбалык, что недалеко от ныне несуществующей деревни Ляшкино. Утка водится там – чернедь да косатая, шилохвость иногда остаётся гнездиться. Проход к зеркалу озера среди камышей в воде – садись и

гребли прямо от пристани. И не очень далеко. В юности на велосипеде туда добирался, а то и пеши.

То да сё, к озеру подъехал к полудню. По пути любовался осенними пейзажами, что раскрасила осень во все цвета. Приятно было видеть и стога припасённого сена, и изумрудные озими, и мычащее стадо в окрестностях бывшей деревни Рямовск. Прямо у озера разноцветный дятел обрабатывал усердно совсем уж и не трухлявую берёзу, долго смотрел на него, чего это он там добывает, пока тот не окончил завтрак. Смотрел на озеро, но утки на зеркале было совсем немного и к тому же, утка пуганая, даже издали озирается, завидев его, стала беспокойно плавать, насторожилась.

Отвязал от коляски лодку, поволок к пристани, но у пристани был сразу же огорчён – нынешнее суховатое лето уронило зеркало озера и вместо водной дорожки была заболоченная просека среди камышей и лабазы, поросшая даже кое-где травинками.

- Ку-ку! – произнёс с издёвкой для себя Сергей Вадимович. – И засомневался, осилит ли он этот путь до зеркала, грести потихонечку одно, а тащить лодку на поводке по высохшей дорожке от пристани по колено в няше – совсем другое. Посидел в лодке подумал. Покурить бы! Но тройка пролетевших к озеру чирков придала решимости. Взял лодку за поводок, решительно ступая в болотинку. Сапоги провалились гораздо выше коленей, забулькало, запахло болотным газом, лабзой. Шаг за шагом, каждый который давался с тру-

дом, Сергей Вадимович едва вытаскивая ноги из топкого меса, преодолевал расстояние, волок лодку к зеркалу озера, где можно было бы посидеть в засаде среди камышей – пролетающие утки стремились именно туда. Пот градом катился с лица, сердце бешено колотилось, одежда вся – хоть выжми. Наконец понял – силёнки совсем кончились, а пройдено всего менее половины. Далее камыш над просекой смыкается, впереди просека расширялась до приличной плесины, опять залез в лодку отдохнуть, соображая как поступить далее, сил ведь может и не хватить дотащить лодку до зеркала, но надо же и назад так же выбираться.

Зашумело, засвистело над головой, закрикали – заговорили меж собой пролетающие утки, затрепетало сердце у Вадимыча. Стайка шилохвостей низко тянула над камышом, каждое пёрышко можно разглядеть, лапки. Но стрелять бесполезно. Просека среди высокого камыша узкая, уловить цель почти невозможно. А если и повезёт, то в густом камыше не найти добычу да и не продерешься никуда из этого коридорчика. А шилохвость-то, явно пролётная.

Вылез из лодки опять, ступил в топкую лабзу – надо двигаться к цели. Прошёл участок, где камыш смыкается, прошёл плесинку. Просвистело над головой низко ещё несколько стаяк. Всё шилохвость. Прикинул, нет невозможно тут стрелять. Потянул лодку дальше. Вошёл опять в камышовый туннель, который прямым выводит к зеркалу.

Но ухнул по пояс в лабзу, начерпав в болотные сапоги че-

рез верх, кое - как влез в лодку, померил глубину веслом и его не хватило, грести бесполезно, сверху густая грязь, и оттолкнуться нечем, был бы шест. Пробовал подтягиваться за камыш, тот вытягивался с корнями или обрывался – по грязи не шла лодка.

- Всё, - подумал Вадимыч, задыхаясь с огорчением, - конец охоте, рули назад. Как услышал понятные каждому охотнику – торопливый неожиданный посвист рассекаемого воздуха и плюханье. Обернулся Вадимыч на пройденную плесинку. С десяток шилохвостей село на неё в метрах двадцати, и сразу – кормиться.

Замерло охотничье сердце – вот она удача. Стрелял не целясь. Сквозь нерассеявшийся дым замечает, что осталось на плесинке три комочка, остальные улетели. А чего из второго ствола не стрелял – объяснить себе не может, растерялся от такого везенья. Смекнул - зачем продираться до недостигаемого зеркала, можно и тут поохотиться. Переломил ружьё, достал гильзу, заменил новым зарядом. Не успел закрыть ружьё, видит: одна из уток, подняла голову, взмахнула крыльями и ...быстренько юркнула в камышовые дебри. Ничего не поделаешь. Потянул лодку к плесине – решил собрать добычу. Пока собирал, ещё стайка пролётной шилохвосты пыталась сесть туда же, но не села - заметили его утицы. Заскрипел зубами охотник на себя: « Феня полоротая»... Да поздно было. Собрал добычу, уволок лодку назад, на то место, откуда стрелял, надеясь, что будут садиться пролётные утки

ещё на ту крохотную водную поверхность. Ждал до темноты, мучаясь мечтой – покурить бы, но всё бесполезно, ни одна уточка больше туда не приводнилась, все тянули подальше, прямо над головой к зеркалу озера. Там и в темноте слышались плеск и крикание, а к ночи птица вообще повалила густо и всё на озёрную гладь, не замечая крохотной плесинки.

Задыхаясь и кашляя, из последних сил, Сергей Вадимыч волок лодку к пристани. Выволок уже в полной темноте, оставив её, пошёл, прихватив добычу, к мотоциклу – решил ночевать. Запас дров у чьего-то костровища был приличный. Развел огонь, плеснув бензина, при его свете очистил несколько картофелин и луковицу, поставил в котелке на костёр. Поставил палатку, сделал себе постель. Закипело. Бросил в варево тушёнку, повесил котелок с чаем. Когда всё было готово, откупорил четушку и налил полстакана: «С полем тебя, Вадимыч, вернее – с озером, за удачу». Прекрасно понимая - удача случилась по воле счастливого случая. Долго пил чай, дивясь, как же быстро прошла жизнь – давно ли сюда на велосипеде ездил, пешком дотопывал, пятнадцатилетнему какие-то двадцать с небольшим километров - не расстояние, на одном азарте. Смотрел на яркие осенние звёзды, ничего не изменилось, и, кажется, не жил ещё, а вот...

Тогда же, однажды на этой камышовой просеке повезло ему, уже по снегу, пройдя половину расстояния, заметил на той плесинке крикового селезня, понимая, что взлетит, решил стрелять с приличного расстояния. Целился очень дол-

го и спустил курок, совершенно не веря в успех, но без добычи не остался. Селезень оказался наредкость справным. Помнится – дома все хвалили добытчика...

На весеннюю охоту Сергей Вадимыч ездил нынче с тем же корешом Паниным, но не - удачно. На осеннюю ехать один не насмелился – не получилось с напарником.

- Наверное, это была последняя охота, - грустно подумалось Вадимычу, когда его неугомонный сосед вновь на костерке опаливал уток, мурлыкая себе под нос бесконечную песенку, дразня и тревожа обоняние запахами горелого пера.

Октябрь 2007г. г. Куйбышев.

МАРФА

Как-то, собравшись уходить из дому, я обратил внимание, что в подъезде на подоконнике свернувшись калачиком, спит пушистый серый котёнок. Соседский, - подумалось мне, кошки у нас дома не было. Было лето. Однако, к концу дня, вернувшись домой, я обнаружил, что пушистый незнакомец у меня в квартире.

- Смотри-ка, нравится? – призывно указывая взглядом, сказала мне жена.

Я оценил пришельца – котёнок как котёнок, чистенький, пушистенький, серого цвета, сибирской породы. В общем, симпатичное существо. Взял на руки, погладил. Пришелец благодарно замурыкал. Решили, что раз котёнок, кошечка - подросток, ухоженная на вид, хотя и худенькая, лёгонькая,

значит - у неё есть хозяева, а очутилась она у нас, так не иначе, как заблудилась, погостит – и нужно её выпустить. Дом найдёт. Так было и сделано. Однако на этом наше знакомство с нею не окончилось.

Как-то, придя с женою с садового участка – надвигалась гроза, и уже серьёзно моросило, мы увидели во дворе под тополем нашу знакомицу. Начавшийся ливень загнал её под крону, и мы, было, хотели забрать её домой, но произошло непредвиденное – мощный раскат грома загнал её от страха на дерево, новый раскат с ослепительной вспышкой бросил бедняжку на мощное ответвление. Пока мы соображали, как её снять оттуда, новая вспышка и сильнейший грохот загнали её на конец ответвления – дальше бежать некуда. Следующий громовой удар заставил её от страха броситься вниз с пятиметровой высоты. Кошечка, пролетев в воздухе, сильно ударилась о стоящие под деревом столик и скамью, упала в лужу. Сквозь ливень мы увидели, что она силилась встать, но задние лапки не слушались. И мы взяли бедолажку домой. Вымыли, отогрели, накормили, уложили на мягкую подстилку. Так хотели, чтобы она стала на ноги. Лапки задние её так и не слушались. Здесь я её рассмотрел получше. Симпатичная, серенькая и необычайно ласковый и отзывчивый зверёк. Едва мы дотрагивались до её шерстки, она благодарно мурлыкала не смотря на боль и пережитые страхи, лизала нам руки - трогательно и искренне благодарила.

Дня через два мы были утром приятно удивлены – кошеч-

ка тихонечко ходила по квартире, заглядывая во все уголки, всё обнюхивала - знакомилась. Увидев нас, заковыляла ко мне, благодарно и приятно обвила пушистым хвостиком вокруг моих ног.

Стали приучать её к лотку, но кошечка в него не ходила, а просилась на улицу. Сядет у двери, поглядывает – выпустите, мол, по нужде необходимой. Здесь надо сказать, что дома у нас жил ещё королевский пудель Джой, рослый белоснежный красавец, очень вежливый и умный, и с ним они сразу же подружились. Так и жили – сначала погуляю с пуделем, потом выпускаю кошечку, и она всякий раз приходила обратно. Но однажды Марфа, как мы называли её, после прогулки не вернулась.

- Что ж, вольному воля, нашла свой дом, вернулась к хозяевам – так-то лучше, - подумалось мне, - и пусть живёт счастливо.

Но, видимо, у каждого своя судьба, все мы в её воле, и от неё не уйти. И судьба каждого связана с судьбами других, и нашей судьбой – это уж точно, прямо или косвенно, и даже так косвенно, что связи этой, на наш взгляд, незаметно во-все, но – связана. Она сводит нас и разводит. Надо сказать, что в мире этом всё связано....

Так вот – Марфа вернулась. Буквально через неделю утром я увидел её спящей в подъезде на том самом подоконнике, где увидел впервые. С тех пор она стала ходить на улицу только с нами – пуделем и мною, когда я водил его на

прогулки. Только из подъезда выйдем, Марфа отстанет или юркнет в подвал. Погуляем с псом – она уже ждёт нас у подъезда и... раз – прыгнет ко мне на плечо. Иногда просилась со мной на улицу, когда я уходил по делам, Марфа ожидала меня в подвале, поглядывая из отдушины. А если её не оказывалось там, то стоило крикнуть по имени, то она вмиг оказывалась у меня на плече – приятный пушистый комочек благодарной искренности. Чужим с земли не давалась – но была у неё слабость ожидать нас иногда на развилке клёна у соседнего дома, а с дерева она шла на руки к любому почему-то.

Так и прожили год в полном согласии, в радости общения с этой ласковой чистюлей, превратившейся во взрослую красавицу. Деликатной, вежливой, понятливой, благодарной. Марфа никогда не лазила по столу и тарелкам. Сядет аккуратненько и тихонечко на полу, если за стол садимся, пушистым хвостиком обовьёт свои лапочки серые мягонькие, аккуратненько сложенные, поглядывает на всех так скромненько серыми глазками, даже не просящее, а как-то ласково, что сразу поймёшь – просит она поесть. А рука сама поднимается не бросить ей чего-либо, а именно положить, да ещё на блюдечко, пригласить к трапезе вежливо и ласково, да ещё и доброе слово сказать этой серой пушистой умнице.

Надо отметить, что существует, наверное, родство душ, которое закладывает качество отношений как между людьми, так между человеком и братьями меньшими, кото-

рые нашу жизнь делают счастливой, нужной, наполненной простыми радостями. Так вот, эти отношения были у нас всех с нею самыми приятными.

Наступила новая осень. Пролетел багряно - красный октябрь. В начале ноября вместо летящих красно-желтых листочков деревьев стали пролетать белые лёгкие снежинки. А однажды утром обнаружили мы за окном всё в белом убранстве – навалило снежку по колено.

Утром пёс запросился на прогулку, схватив меня зубами за запястье, потянул к двери, а Марфуша уж и давно сидит тихонечко у порога, наблюдает за нашими сборами.

Наконец выходим во двор, Марфа бросается к песочнице, но там сосед прогревает машину - дым, чад, шумно, она, утопая в снегу, бросилась к другой. Мы с пуделем направились к пустырю, Марфа догоняет нас прыжками, волоча по снегу пушистый хвост. Я говорю: «Марфуша, вернись, жди нас». Так бывало всегда. Марфа слушается. Я надеюсь, что она нас дождётся у крыльца или на заветном клёне. Оборачиваюсь. Марфа уже сидит на развилке дерева, смотрит в нашу сторону. А у клёна четыре автомобиля стоят, а из них люди смотрят на мою любимицу....

Вернулись с пуделем через полчаса, и Марфу на дереве не обнаружили. Ждали её и звали из подвала, но кошка не появилась. Стояли и ждали, звали ещё. Пёс, видимо сочувствуя мне, даже гавкнул с досады несколько раз – мол, где ты там? Но Марфы не было. Обходили соседние дома и не один

раз, и не один день, в надежде, что найдётся наша красавица. Но нет.... Видимо, кто-то из людей, что смотрели из машин, снял нашу кошку с дерева и...увёз с собой. С дерева-то кошечка шла к любому....

Июль 2006 – июль 2007гг.

ДУНАЙ ГОЛУБОЙ

Я, кажется, помню его до сих пор таким же маленьким, как и я сам; оба переваливаемся через порог нашего старого дома.

Я и рядышком – симпатичный пушистый голубой щенок, не потерявший ещё той младенческой полноты и неуклюжести, что называется ранним детством. Порог домика и для меня ещё еле преодолимое препятствие, а для него-то и давно. Я перешагиваю-переваливаюсь, а пушистый комочек ну – никак. Несколько раз наползает на порожек, скатывается назад с препятствия и начинает поскуливать. Я оборачиваюсь – чем бы помочь. Симпатичная крошечная собачка осмысленно уставилась на меня бусинками глаз, просяще поскуливает и хвостиком пушистым повिलывает – помоги же, мол.

Догадываюсь я и перетягиваю его за пухленькую лапочку на свою сторону. Пушистый комочек преображается – препятствие-то преодолено, пытается подпрыгнуть ко мне – играет, это видно по виляющему хвостик у малышки - пёсика. Но вторая попытка подпрыгнуть, по - собачьи доказать свою

преданность, оканчивается для меня совсем уж необычно. Он, малёха, просто опрокинулся, покотившись пушистым шариком – неуклюже забавно, трогательно и даже смешно. Что возмёшь с него: мне три года, а ему – всего два месяца.

Появился этот симпатичный щенок в нашем доме вместе со странным, как тогда мне казалось, человеком. Старый приятель-фронтовик отца из Колывани появился как тень в капающих холодным дождиком сумерках из-за огородов, в неуклюжем брезентовом дождевике, из-под башлыка которого поблёскивала пластиковым козырьком фуражка военного образца. Человек шагал как-то неравномерно, явно прихрамывал, как бы подпрыгивая, зашагал к нашему дому.

Вскоре из сеней послышался зычный голос, явно принадлежащий человеку открытому, не боявшемуся ни бога, ни чёрта и, как показалось, отчаянному и доброму: «Кондратьич, а Кондратьич, спишь, поди, холера, вот я-то тебя, ядрён корень, тёпленьким», - явно адресованный отцу. Отец, узнавший гостя, кинулся к дверям: «Заходи, Парфений».

Странный незнакомец, едва ступив за порог, тем же голосом, но уже потише, придерживая полу дождевика, с которого капало на пол, сверкнув рядом сплошь железных зубов, изобразил что-то похожее на улыбку: «Драсьте, ядрён корень». И тут же из - под полы извлёк что-то непонятное в наступающих сумерках ненастного дня, мягкое и бесформенное, и осторожненько опустил на пол. Это что-то издавало звук, похожий на поскуливание. Я бойко кинулся к ногам

незнакомца и обнаружил крохотного щенка голубой окраски, который добавил к стекавшим на пол с дождевика незнакомца лужицам, ещё одну. Ещё я обнаружил, что у гостя вместо одной ноги из-под дождевика торчит деревяшка, оттого и прихрамывал. Симпатичный малыш тут же был накормлен мамой молоком, при чём, пока он лакал, всё внимание окружающих было сосредоточено только на нём, и тут же заснул на домотканом половичке.

Потом родители потчевали гостя, потом отец и гость, как его звали, Парфений Сазонов, заядлый охотник и любитель собак, до войны работавший бригадиром рыболовной бригады в Колывани, пошли на берег реки, дождь к тому времени окончился и мы слышали их пение дуэтом и «Распрягайте хлопцы коней», и « Дунай голубой», и многое другое, а наутро отец объявил, что щенка зовут Дунаем. Гостя в доме уже не было.

Тут надо остановиться немного на военной судьбе старшего лейтенанта разведки Сазонова и происхождении щенка, что узнал от родителей я много позже.

Февраль 1944 года. Только что после тяжелейших боёв взята венгерская столица - Будапешт. Два с половиной месяца гремели взрывы и стрельба, гибли люди, и вот тишина. Где только возможно в городе вывешены белые флаги – знак примирения и капитуляции. Старший лейтенант Сазонов доложил командиру разведроты, что в предместьях города, совсем недалеко во время поиска обнаружена ферма

с хорошим жилым двухэтажным домом, на крыше – белый флаг. Неплохо бы расквартировать там взвод разведки. На что получил добро. Взяв, пять человек, отправился Сазонов к объекту. Но всегда осторожных и аккуратных разведчиков в этот раз подвела элементарная доверчивость и белый флаг над зданием. Вошли без опаски на территорию, стали подниматься на второй этаж, чтобы найти хозяев, как попали под шквальный огонь и спереди, и сзади. Уже мертвый, наверное, разведчик Усманов из Уфы, успел метнуть гранату на второй этаж, а Сазонов, тоже изрешеченный, скатил гранату вниз по лестнице. Потом нашли троих убитых нападавших. Одного на втором этаже, двоих внизу – местные фашисты салашисты. Ферма принадлежала одному из них, хозяин предварительно перестрелял всё живое на ней – породистых лошадей и коров, индюшек и даже собак.

И что очень странно, Парфений, с раздробленной ногой, простреленной грудью и лицом, потерявший много крови, очнувшись, почувствовал на себе тёплую тяжесть и обнаружил... собаку. Породистая сука, сеттер – гордон, принадлежащая, по-видимому, бывшему хозяину, сама навывлет раненая в шею, разыскав среди мертвых еле живого разведчика, чужого совсем, согревала его своим теплом до прихода товарищей, оттого, наверное, и жив остался. Всё невероятно, но преданно влюблённый в собак Парфений, искалеченный, уже вчистую комиссованный, каким-то чудом вывез именно её с собой в Колывань. Скрестил с местным таким же чисто-

породным псом, и вот симпатичный Дунай – потомок того помёта, далеко не первого. Но, по словам гостя, та собака, его спасительница, ещё живёт у него.

Здесь стоит остановиться на его необычном окрасе – голубом, нехарактерном для этой породы собак.

У нас собака росла общим любимцем. Дунай рано стал проявлять признаки охотничьей гениальности. Жили на самом краю деревни, прямо за огородами – простор: луга, болотца, река, Андриковский канал, далее околки и поля. Живности всякой дикой полно. Подрастая, я потихоньку осваивал эти манящие просторы, за мной не отставал и Дунай. Станным для меня было – идёт, идёт пёс, нюхает всё, что на пути, деловито рыщет, а потом сядет и ни с места. Зову его, а он опять сидит – откуда мне знать было, что он чует дичь и этим предупреждает меня, будущего ещё охотника. При моем же дальнейшем движении, стал замечать, что непременно взлетит какая-то дичь, или просто птичка. Но я ещё был мал и не знал, что эта поза одарённого юного пса называется у охотников стойкой.

Отец, имевший ружьё, как-то выбравшись в окрестности с Дунаем, пришёл в отличном настроении – пёс, не смотря на юность и неучённость, оказался уже тогда отличной подружейной собакой. Он без ошибок чуял дичь, делал стойки, чётко выполнял команды, приносил добычу, положив у ног хозяина. О такой собаке можно было только мечтать.

Однажды, года через два, в туманном весеннем воздухе,

со стороны околков, куда уходила просёлочная дорога в сторону Верх-Ичи, услышал я странные трубные звуки.

- Х -х – гу... Ху – х – гу – у... Ху – ху – гу- гу – у....

Я стал вглядываться в весенний туман. От околков по раскисшей дороге отделилась хромающая фигура. Вышедший из дома отец, безошибочно определил: «Мать честная, Парфений!» Дунай, услышавший эти звуки, заволновался, взлаял, затоптался на месте. Человек в дождевике, прихрамывая, приближался. Да, это был наш знакомый Парфений: «Здоров, ядрён корень». На голове всё та же фуражка с пластиковым козырьком, железные зубы поблескивают в улыбке, на груди охотничий рожок, за плечами торчал ствол ружья. Оставалось только удивляться, как по бездорожью, на деревянной культе от Верх-Ичи преодолел он целых семь километров пешком. Каким упорством характера обладал наш знакомый Парфений Сазонов! И верностью к природе, охоте и данному слову, пообещал, если, то выполнит непременно!

На следующий день отец и Парфений, взяв ружья и собаку, ушли в сторону леса, к вечеру довольные вернулись с добычей – вердикт гостя был однозначен: «Лучшая собака, которую я видел в работе, береги его, Кондратьич».

Но всё хорошее кончается. Отец, подорвавший во время ареста здоровье, слабел, и на охоту ходить становилось не под силу. Редкие вылазки на природу, по-видимому, для умной молодой подружейной собаки были не в счёт. Пёс стал уходить в рядом расположенные привольные просторы со-

вершенно один и возвращался с добычей – то куропаткой, то перепёлкой, а то и уткой молодой, добровольно отдавая добычу только отцу. На языке охотников – это непозволительно, когда подружейная собака начинает браконьерить, попросту, портиться. Самовольная охота такую собаку губит – она, повинувшись инстинкту, теряет навык работы с охотником, перестаёт слушаться.

Задумался отец. Посадить собаку на цепь – рука не поднималась, обеспечить собаку нормальной работой – здоровье не позволяет. И решил: отвезти Парфению в Колывань. Он хоть и на одной ноге, но неугомонный и собака хорошая ему нужна. Видел, как с завистью смотрел он на Дуная, как восхищался его работой. Но, кажется, колебался отец, жаль ему было расставаться с такой собакой.

Однако новый проступок любимца всё же вынудил к этому. К осени ближе, выйдя утром на крыльцо, родители обнаружили Дуная на груди давленной домашней птицы – гусей и уток, в основном соседских. Он довольно повиливал хвостом, ожидая похвал и награды. Скандал, неприятность! Не справился со своим азартом безработный пёс. Как уж потом улаживали с соседями – не знаю, но однажды отец, тяжело вздохнув, взял Дуная на поводок и сел на попутку.

Добрался до Колывани, вручил собаку приятелю, погостив денёк, отправился домой. Покидая Парфения, думал с облегчением – любимец в хороших руках. Попросил у Дуная простить его, расцеловал собаку и... прослезился. Умный

пёс, за неимением цепочки, у Парфения было ещё три охотничьих собаки, одна из них ещё та, престарелая трофейная, спасительница, был привязан за ошейник подвернувшейся под руку верёвкой.

Сойдя с ветки в Куйбышеве на станции Каинск-Барабинский, добирался до Верх-Ичи пешком – не было попутного транспорта. В Верх-Иче решил подкрепиться и отдохнуть, зашёл в «Чайную», было такое заведение на берегу реки у моста. Поужинал – предстояло до Соколовки пройти ещё семь километров. Собрался идти, как почувствовал – скребёт кто-то по сапогам его под столом. Заглянул, а там – мать честная! Дунай с огрызком верёвки на ошейнике, и опять едва не прослезился, от преданности и мужества собаки. Заказал Дунаю из последних денег пять котлет говяжьих....

Невероятно! И непонятно - как нагонял отца преданный пёс, освободившись от привязи. Шестьдесят километров от Колывани до Новосибирска, триста с лишним до станции Каинск-Барабинский и пятьдесят до Верх-Ичи. Ехал ли умница пёс, забившись где -нибудь под лавку в вагоне, или всё бежал вдоль дорог и железнодорожного полотна.... Невероятно,... но факт – вернулся отец домой с собакой....

Списались с Парфением. Под осень он ещё раз появился в нашем домике. Искалеченный мужественный и добрый человек – «ядрён корень». После всего рассказанного отцом, совсем зауважал он собаку. Уезжал на попутке вместе с Дунаем на поводке. Пёс упирался, оглядывался на нас, как бы

ища поддержки или отмены, даже по-собачьим меркам, жестокого решения. Мама тихо плакала, я ревел в голос, по изуродованному лицу Парфения было видно, что и ему муторно, но отец, окаменев лицом, говорил, что так надо....

Через год отца не стало, и ружьё перешло в руки меня, восьмилетнего. Искал и доставал из воды добычу сам. Так не хватало доброй собаки, вспоминал Дуная.

Через столько-то лет он мне помнится, великолепный преданный и умный сеттер-гордон, почему-то голубого окраса. Будто ощущаю под ладошкой его шелковистую волнистую шерсть, первой моей собаки в жизни, любимца. Или преданно поданную лапу его. Дунай голубой....

5 ноября 2007 г.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Теперь-то я знаю, что он есть у каждого живущего на этом свете. У каждого свой Ангел-Хранитель – верный страж и оберегатель от бед и невзгод, от гибельных ситуаций и лихих людей, зверя дикого и явлений природы. Его никто не видел, но, наверное, как и я, все знают, что он есть, кто попадал в трудные жизненные ситуации, когда казалось, что уже нет никакого выхода кроме гибели и самого худшего.

Это я услышал от мамы уже, будучи взрослым.

Конец сороковых годов двадцатого века, июль месяц. Жаркий и цветущий. Все женщины нашей деревни на покосе за рекой, напротив нашего дома. Косят вручную, переправ-

ляются вброд через реку тут же около нашей усадьбы. Там и появился я на свет «среди трав и пенья птиц». Тогда женщины могли рожать благополучно в лесу и в поле и грамотно принять роды. И я тоже был принят в этот мир и обихожен, завернут, наверное, в платок или чью-то женскую одёжку, накормлен. Маму со мной довели до реки женщины, и от дальнейшей опеки она отказалась. Чего там – всего-то перейти реку вброд, а дом-то, вот он, у самой реки.

Но так или иначе, возле самого деревенского берега, так уж случилось, выскользнул я из ослабевших маминых рук и пошёл ко дну. Поскользнулась мама на твёрдом глинистом дне, да и место там поглубже. Течение быстрое подхватило меня и понесло под лопухи кувшинок. Можно было понять, что творилось с моей мамой. Шарила, шарилла она по дну, но тщетно. Заплакала. И тут обратила внимание – бегают по лопухам птичка трясогузка, почти рядом, а улетать не хочет, а если и вспорхнёт при приближении, то тут же и вьётся на одном месте. И тут маме моей, вконец растерянной, пришло понимание – птичка-то не зря не улетаёт, здесь и искать надо. Но там, в сторонке от брода место поглубже. Пришлось поднырнуть маме под лопухи, и - вот он, я, кроха, сразу же оказался в маминых руках. И странно, не захлебнулся, будто какой-то запорный клапан сработал на моём дыхании, едва глотнув воздуха, заорал во всю мочь, и вода хлынула изо рта и носа.

Так вот впервые вступился за меня уже через пару часов

отроду мой Ангел-Хранитель в виде весёлой птички трясогузки....

Будучи уже десятилетними во время ледохода прыгнули мы, ребятня деревенская, гурьбой на мчавшуюся у берега льдину. Но восторг наш от этого приключения был недолгим – более крупная льдина, вынырнувшая из-под нашей, опрокинула нас, накрыла меня, товарищи мои, благо – все мы плавать умели, мигом оказались на берегу. Мне же мысленно уже пришлось попрощаться с белым светом. В мутной ледяной воде, при стремительном течении, в намокшей одежонке, накрытый льдиной в ледяном крошечке – никаких шансов на спасение, казалось, не было. Помню только, что искал на ощупь край льдины.... А потом, о, чудо – чувствую, что подхватила меня сила неведомая и из глубины толкает на поверхность, а потом... солнечный свет и грохот ледохода. А я среди реки на сравнительно небольшой льдинке, что в свою очередь вынырнула подо мной, видимо, вконец нахлебавшегося и уже не способного бороться, вынесла-вытолкнула меня на поверхность между крупных льдин. Приятели мои на берегу, мокрые и испуганные, бегут в след за моей льдиной, обрадовались – чувство взаимовыручки у нас всех было святым. А мою льдину потащило течением здесь же за поворотом на разлив, на затопленные луга за огородами....

Попало дома всем, но взрослые, наши домочадцы сразу ничего не узнали. А потом кто-то из той ребятни проболтался, но это было потом - никто же не утонул....

И ещё случай, уже чуть позднее. Весна. Раздолье. Вешняя земля залита солнечным светом и половодьем. Недалеко от Андрикова озера разлив. Сбросив верхнюю одежду, чтобы быть менее заметным, ползком подбираюсь к табунку кормящихся уток. Сердце не стучит, а грохочет от азарта. Ружьё за собой тащу за ствол волоком, и ствол при этом часто и больно тычется мне в бок. Я спохватываюсь – ружьё-то заряжено и отстраняю его так, чтобы было безопасно. Но вот стайка насторожилась, и я ползком отодвинулся назад. Но вот утки успокоились, кормятся, и я продолжил движение. Впереди показывается лужица, наползаю на неё, но животом по воде ползти не хочется, и я несколько приподнимаюсь на локтях и коленях, тащу ружьё на себя. Утки опять насторожились, и оттого я, видимо, теряю осторожность....

Оглушило, рвануло с треском отвисшую мою мокрую рубашонку на животе, обожгло грудь, дохнуло горячим дымным воздухом от выстрела. Утки взмыли в воздух, и дробовой заряд запрыгал впереди на водной глади. Я оторопело сажусь тут же, прямо в лужицу, ощупываю себя; горит моя изрешеченная дробью на животе рубаха, волдырь от ожога на моей тощей мальчишечьей груди, но больше – ни царапины. Облегчённо падаю животом, тлеющей рубахой прямо в лужицу и пытаюсь сообразить что произошло. Как не взведённое курковое ружьё выстрелило и что бы было со мной, не попадись на моём пути эта крохотная лужица, которую пришлось переползать чуть повыше – на локтях и коленях?

А так дробь прошла впритирку между этой спасительной лужицей и моим животом....

Ещё случай. Я студент сельхозтехникума. Иду как раз там, где река Каинка впадает в Омь. Участок дороги узкий. Сзади, тяжело урча, обгоняет меня грузовик. Сначала была мысль – пусть обгоняет. И я иду. Вот уже и колёса с кабиной впереди меня, мелькает кузов с бетонными конструкциями, и вот уже прицеп показался. Иду. И вдруг как удар – мгновенное сильное чувство опасности не даёт мне сделать и шага. Резко останавливаюсь. Буквально перед моим носом деревянный кузов прицепа как бы рвётся, летящие щепки царапают лицо, больно бьют по шее, груди и что-то большое тяжёлое свалилось с прицепа. Плохо закреплённое бетонное кольцо, что используют в дорожном строительстве, на повороте покотившись в кузове, пробило борт, и в полуметре от меня рухнуло на дорогу и – покатиось под берег, сметая всё на своём пути. Сделай я ещё полшага, и...попал бы точно под него....

Как-то перед самым окончанием танцев в городском саду подходит ко мне немного знакомая девушка: «Проводи меня за мост, буду у бабушки ночевать». Дошли до бабушкиного дома. Тепло, темно и пух тополиный кружится – а за душой всего-то – семнадцать лет. Хорошо-то как! Посидели на лавочке у домика, пообнимались, поцеловались. Договорились о завтрашней встрече и расстались. Дохожу до моста через Омь и слышу сзади шаги быстрые. Галя меня догоняет:

«Прости, что-то тревожно на душе, провожу тебя». Едва перешли через мост – навстречу толпа пьяных парней. И сразу мне удар в грудь, в челюсть. Но выручила Галя – закрыла собой. Её тоже ударили – вскрикнула. Тут я встаю, закрываю девушку собой и чувствую: плохи дела, озверевшие, пьяные, забьют до смерти. Удары посыпались нешуточные – в грудь, в живот, в зубы, солоно во рту, по губам течёт липкое. Но закрываю собой девушку и в сохранившемся сознании мысль – только бы не упасть.... И, что выхода – никакого....

Но тут яркий свет, обидчики врассыпную, из милицейского автомобиля выскочившие милиционеры похватали кое-кого. Нас спросили – нужна ли помощь. Но помощь нам была уже оказана ими. Неожиданно и своевременно – плохо бы нам пришлось. Вернулись с Галей к бабушке, и она нас до утра не отпустила. Потом узнаю: подонки эти в тот вечер нескольких ребят искалечили и даже девушек не щадили. Спасибо милиции, спасибо Ангелу-Хранителю, спасибо девочке Гале. Ей – особенно....

Томск, 1975 год, я – студент политехнического. Октябрь золотой, тепло и безветренно, отчего все деревья сохраняют своё убранство, лист не облетает. Оттого и от роскоши этой румяной радостно на душе. Живём на Вершинке. Товарищи мои ещё спят, а я – птичка ранняя. Наряжаюсь в спортивную форму, бегу в Лагерный сад. Есть там такой лесной уголок на берегу Томи, где сосны и берёзы, дорожки и скамеечки. Пробежался по дорожкам, постоял у крутого берега и... бегом –

вниз, зигзагами, скорость гася, по сыпучей глине и щебёнке почти отвесного, крутого, двадцатиметровой высоты берега, к реке. Всегда так делаю, когда здесь занимаюсь пробежками. Опасно, но ощущения ни с чем не сравнимые. У реки на пляже делаю разминку, приседаю. Солнышко всходит ласковое. Тихо, безлюдно, рано. Вода в осенней Томи прозрачная, а в ней мальки суетятся. Захотелось нырнуть в эту колкую студёную прозрачность – нравится. Но что-то останавливает меня.

Чувство появившегося дискомфорта и тревоги перерастает в ощущение грозящей опасности, и будто кто нашептывает мне внушительно и тревожно, настойчиво: «Уходи, уйди.... Ну, уйди...»

Я отбежал по прибрежной гальке по руслу с километр. Оглядываюсь на пляж, где так хотелось искупаться, чувство опасности не исчезло, но как-то притупилось, растворилось, померкло. Продолжаю зарядку. Отжимаюсь на руках – р-раз, два.... Не успел разогнуться – зашумело, обвалилось что-то тяжело – глухо, даже воздух вздрогнул, затрещало, покатилося с грохотом, даже земля содрогнулася, страшно так.... Разгибаюсь, а на то место, где только что стоял я на пляже, несётся вал из обвалившегося берега с деревьями, скамейками – с треском, глухим шумом. Перекатилось через пляж, забулькало, закипело в воде. Осело в Томи, оставив на пляже огромную массу земли, глины, переломанных берёз и сосен. И чувство опасности... исчезло, но страх

вселился – не уйди я с пляжа, и никто бы не узнал, куда я пропал. Крутой берег, по которому я сбегал вниз зигзагами, обвалился метров на семьдесят в глубину Лагерного сада и на полкилометра по руслу реки....

Я в отпуске. Осень 1986 года. Съездили по клюкву в Петровские рямы, но не очень удачно. С товарищем решили, что съездим ещё, но ему всё некогда. Каждый день, погрузив в мотоцикл всё необходимое для такой интересной экспедиции, жду возле своего дома. Но тому некогда. На исходе в таком ожидании проходит третий день. Дело к вечеру. И решаю: еду один и прямо сейчас.

По темноте уже добрался до рямов за Фёдоровкой. Ночевать в лесу одному не впервой, но в такой дали и глухомани один в первый раз. Не страшно совсем, но в этот раз неуютно как-то, хотя и люблю всё это. Ужинаю у костра, долго сижу, наслаждаясь волшебством ночи и глухомани полночной со своими её запахами, звуками.

Заснул хорошо, но среди ночи показалось мне, что не один я здесь – ходит за палаткой кто-то осторожно и опасно, даже хруст былинки и веточки слышу. Но засыпаю – померещилось – думаю. Утром уйду на клюквенное болото. День хороший, солнечный и к обеду выношу к лагерю своему два больших ведра отличных ягод. У палатки обнаруживаю трактор и двоих мужчин. Местные, из Фёдоровки. Здороваются и: «Напои, мужик, чаем, а?» Я согласно киваю. Они собирают в окрестностях валежник для костра. От еды

отказываются, но чаю два котелка выпили с удовольствием, благодарят и уезжают, но тут же и вернулись: «А у тебя ружьё-то хоть есть?» Ружья у меня нет, и я им улыбаюсь, показываю топорик крохотный и киваю на нож охотничий, что на поясе моём. Один орёт мне из – за грохота трактора: «Ты, чо, охренел, медведь здесь ходит, телят на стоянке порвал...» И уезжают, неодобрительно покачив головами на моё безрассудство.

Я пожал плечами, но и не страшно – мишки-то осенью, говорят, обычно смирные, благодушны. Пошёл вновь на клюквенное болото. К вечеру вновь вернулся с двумя вёдрами клюквы. Собрался ночевать. Но пищи для костра – дров было очень мало, так как много любителей ягод побывало здесь. Насобирав кое-что и ещё пень огромный гнилой при-волол. Поужинал, посидел, залез в палатку.

Проснулся я от ощущения – ходит кто-то за палаткой. На светящемся циферблате 4.30 ночи. Октябрь уже, за палаткой ночь глухая ещё и... ходит кто-то... крадётся. И одолел меня ужас дикий.... Хватаю наощупь топорик, и загремел, застучал по порожней канистре, заорал, что было мочи. Зашуршало что-то, затрещало, затопало прочь и стихло.... Подо-ждал ещё. Тихо....

Вышел в темень ночную, враждебную, опасную, понимая – чему уж быть... костерок мой совсем затух. Холодище, в инее всё – заморозок жестокий пришёл. Вздул угольки под промозглым пнём, бензину из бака мотоцикла плеснул ещё.

Вспыхнуло, озарило становище моё, озираюсь – никого. Так и сидел у костерка до восхода солнышка. Обошёл вокруг становища и обнаружил на заиндевелой от инея траве дорожки, что густо петляли вокруг, в одном месте даже метрах в трёх от палатки. И ещё... помёт свежий медвежий, дымится ещё паром среди инея, потом ещё в тракторном следе, поверх – следы медвежьи. Вовремя загремел я металлом....

Собрал пожитки в коляску, свернул палатку и уехал.

Подсказал, выручил Ангел-Хранитель – так я думаю. Считаю, что есть он у каждого, кто живёт в мире этом. И хранит он надёжно и бдительно от бед всяких и гибели до тех пор, пока мы живём жизнью праведной, чисты душой и помыслами, в заботах о честном хлебе насущном да о судьбе близких своих и сограждан, Отчизне своей....

Потом и ещё ранее были случаи, всех и не опишешь, когда казалось, что кроме гибели да и ещё более ужасного, и выхода не было. От людей лихих, от лося взъяренного да при встрече со стаей волчьей в снежном ночном лесу при метели свирепой....

Храни меня, мой Ангел-Хранитель, храни моих родных и друзей, моих соседей, храни Россию мою, Многострадальную Отчизну от бед и болезней, от несчастий и напастей, от войн и лихоимства, от соседей её коварных.... А пуще всего от государей её неразумных да государей-предателей её, что в последние времена объявились.... Храни!.. А Отчизна моя ещё не раз мир спасёт! Таково предназначенье наше. Храни

нас, наш Ангел-Хранитель!

Январь 2007г., г. Куйбышев.

В ГОСТЯХ У ГРУЗИИ

Кто из наших граждан, тогдашних строителей коммунизма, не мечтал во время законного отпуска съездить на море, на курорт или в дом отдыха. Впрочем, тогда, во времена социализма, было вполне доступно всем без исключения. Обращались в свою профсоюзную организацию, оплачивали, обычно, вычетом из зарплаты восемь - десять процентов от стоимости путёвки и, никаких хлопот, поезжай – куда душа желает. Нужно было только заранее предупредить профком, да хорошенько позаботиться о своём отпуске, и, непременно летом бы, что было очень сложно. Работали предприятия тогда по настоящему, и в буквальном смысле слова. Вот и сейчас бы так! Были, конечно, проблемы – на кого оставить маленьких детей, кто согласится ухаживать за твоим садом-огородом, без которого, как ни крути, а прожить, как и сейчас, было семьёй невозможно....

Но, повторяю, это было доступно. Хотите – верьте, хотите – нет, но вот и пример, жизненный случай с моим приятелем, отработавшим всю жизнь на химзаводе: как-то, достался ему отпуск осенью, когда и в саду-огороде прибрались, и картошку выкопали. Съездил на охоту парочку раз. Сидит себе с детишками дома да ужины готовит к приходу с работы половины своей. Ну, как на грех, коллега, его приятель, тоже

в отпуск пошёл и начал расслабляться и, раз да второй, ну, прямо под приход половины и заглянул к нему с бутылочкой, навеселе. Не понравилось супруженице. Сделала хозяину замечание, будто он и зачинщик, пригрозила: «Ещё раз, и... возьму путёвку в профкоме. С глаз долой...». Как на грех – к нему дружок опять, и опять – навеселе, и с собой кое-что принёс. И на завтра принесла Мария путёвку стоимостью в восемь тогдашних рублей в подмосковный дом отдыха – с глаз долой! Правда, пожалела потом – шуку в воду опустила – жаловалась. Приятель там прекрасно отдохнул – в наказание-то! Так прекрасно, что по приезду стал свою Марию Оксаной называть! Смешно нам, и совсем не смешно Марии. Но так было....

Издавна славился за свои целебные минеральные воды курорт «Боржоми», что в благословенной Грузии. Нет, он вовсе не на берегу моря. Корпуса курорта расположились на взгорье, далее горы, поросшие лесом, не тропическим конечно, а своеобразными соснами, на наши похожими и не похожими – иголки помельче, помягче, что-то на лианы похожее вьётся по ним. Сосняк влажен, как в тропиках, кое-где роднички бьют из-под земли, светлыми ручейками разбегаются по склонам. Ни вечером, ни ночью, ни ранним утром в лесу – ни мошки, ни комарика, что для нас, сибиряков, удивительно. Тропинки, набитые по склонам, позволяют гулять и делать пробежки по утрам.

Собираясь с женой на курорт, раздумывал - что с собой

брать из самого необходимого, всё вроде бы уложено, но вот что-то заставило положить в чемодан кусок сала, на что же-на категорически: «Ты, что, есть туда едешь?». И выложила сало....

Приехали когда на курорт, были приняты неплохо. Осматривались. Грузины – народ приветливый, со своим менталитетом, конечно. А так, в отношении устройства и лечения было всё хорошо. Но об оставленном сале пожалели искренне. И вот почему: питание было, примерно таким – утром кусочек минтая, приготовленного на пару, обычно жиденький хвостик, с картофельным гарниром – хорошая ложка, не более, пара кусочков хлеба и стаканчик прозрачного, едва закрашенного чаю без сахара. В обед тарелочка - жидкого супчика, маленькая котлетка с картофельным гарниром, опять же, стакан чаю, три кусочка хлеба. Ужин – всё так же, как и в завтрак, Терпел я дней пять такое питание, всё время думая о еде, об оставленном дома сале. И понятно: молодой мужик, по горам ещё набегаюсь утром, в реке купаюсь или источнике, плюс лечебные процедуры, есть хочется, а рацион – втрое меньше домашнего. На курорте же, ни ларёчка продовольственного, ни столовой. И, насмелившись, пошёл к диетологу – грузин средних лет, здоровый такой, краснощёкий, вежливый и с брюшком.

- Дорогой, - обратился я со своей проблемой, - отчего такая скудность в рационе, хоть пешком в Сибирь убегай от такой голодухи?

Выслушал внимательно меня диетолог, и вразумительно так, глядя в глаза, с оттенком сожаления, мол, понимаю, рад бы помочь, но не в моих силах, произнёс вежливо и весьма кратко: «Диет...». И руками развёл, мол, и ты меня пойми, дорогой. В рационе нашем сразу ничего не изменилось, но потом, когда такие вопросы диетологу стали задавать массово, питание изменилось несколько к лучшему. По вечерам смотрели фильмы старые, в основном хорошие, но надоело со временем.

Таких как я, желающих по утрам по горам побегать, было немного, потом я всё же увлёк жену, потом компания желающих на такое подросла и, узнав окрестности, стали бегать по утрам, через окраину городка Боржоми купаться в котлован, что наполнялся от минерального тёплого источника. И так, семь километров бегом до котлована, купание в нём тридцать минут, семь километров назад - всё бегом, всё – до завтрака. Всё в азарте бега – молодые мужики и парни, нас подобралось десятка полтора, азартно, стараясь друг перед другом не проявить слабинку, превращали данную пробежку в настоящий безжалостный марафон, для меня было нетрудно – имелась хорошая подготовка. К тому же – были ограничены во времени перед завтраком, на который нельзя было опаздывать.

Но вот из любителей утренних пробежек остался я один, у моих азартных компаньонов окончился заезд, и они разъехались, кто просто отказался от такого жесткого испытания

– не выдержал, бегать одному стало скучновато. И я предпочёл делать это в окрестностях курорта, стараясь найти новых соратников. Нашёл одного, он оказался из Прибалтики – нелюдим, по-русски говорит плохо, сторонится. Потом нашёлся ещё один – саратовский, из деревни тракторист, молодой общительный такой парнина, тяготеющий к спорту – Санька Калошин....

Однажды на последних днях пребывания на отдыхе утром не побежали, но случайно встретились после завтрака. Настроение уже чемоданное. Ожидающее.

- А ты был в городе? - спросил меня Санька. Я ответил ему кивком, бывал, мол. А Санька: «Своди меня, а?» – в глазах просьба. И пошли мы.

Городок Боржоми небольшой, населения - тысяч двадцать. Промпредприятий немного. В основном - обслуживание курорта. На въезде в городишко прямо – базарчик. У Саньки созрела мысль – выпить бы, но где возьмёшь – тогда был самый разгар сухого закона в стране. Да и по-грузински мы – ни бельмеса. Хотя, уже я научился говорить здравствуйте – «гамарджоба». Идём, денёк хороший воскресный. Народ идёт на базар и обратно в сторону курорта – из городка, с базарчика. Захотелось помочь Саньке, и созрела мысль. Навстречу нам идёт одинокий грузин невысокого роста и средних лет. Не смотря на погоду – на нём белые брюки не первой свежести, тёмный, в клетку пиджак, под ним тёмная вязаная кофточка, на голове – огромная чёрная кепка. Усат,

чем-то озабочен. Поравнялись.

- Гамарджоба, - кричу я ему, будто знакомому. Тот почтенно остановился и так же громко: «Гамарджоба!» Посвойски протягивает руку, поздоровался, и с Санькой тоже. Смотрит приветливо и вопросительно – знакомы, что ли? Санька находится: «Чача, где купить?» И щёлкнул себя пальцем по горлу. Знакомый наш так же озабоченно и с серьёзным видом повернулся в сторону виднеющегося базарчика, начал объяснять на сносном русском и жестами, но мы всё поняли: «Как прийдёшь на базар, там бабушки сидят. Пойдёшь направо – сидят, пойдёшь налево – сидят. Иди направо, подойдёшь..., - и показывает руками – вот такой нос, в платке, в длинной черной юбке и зуб торчит, - и спросишь «боржом – два». Всё сказано так серьёзно и уважительно. Мы благодарим, как можем. Грузин на прощание жмёт нам почему-то руки опять, но нам это вполне нравится.

Идём к городку, вернее к базарчику. Санька повеселел. Входим на базар и теряемся. Налево сидят бабушки и направо сидят тоже они. Все в черном – и юбки, и кофты, и платки, все одинаковы. Санька тянет меня направо. Ряд бабушек – товар у них один и тот же: огурчики, черешня, зеленые ещё абрикосы, молоко в бутылках и творог. Все смотрят, ожидая своего покупателя. Санька ворчит: «И фруктов не поешь тут, дорого.... И бабы тут худенькие, какие-то тощенькие – жалко прямо...». Подумал я – прав Санька....

Цены, конечно приличные и здесь на фрукты – мы - то

ожидали другого, о женщинах же я был несколько другого мнения. Но где же наша бабушка? Санька тянет меня за рукав и шепчет: «Вот, вот она...». Я оборачиваюсь – бабуся смотрит прямо на нас – взгляд намётан, узнаёт клиента издалека. Но, Боже мой! Сушая Бабушка Яга! Хотя по-русски, хоть по-грузински. Одета во всё чёрное, из - под платка седые космы торчат, и горбата, и нос крючком, и зуб торчит изо рта, глаза необычно смотрят, ну, точь-в-точь как у Бабы Яги, но приветливо, с лукавинкой и даже чуть-чуть плутовато, заговорщицки, как будто мы знакомы. Сидит она неизвестно на чём – юбка-то до земли, и палка кривая сбоку торчит наподобие клюки видом. Невольно у меня вырывается: «Гамарджоба, бабушка!» Бабушка молча смотрит на нас – глаза с хитринкой, видимо, ждёт главной фразы. У Саньки вырывается: «А боржом – два есть?». Но та на Санькину фразу не обращает внимания, смотрит на меня, так же плутовато, и вдруг грозит кривым пальцем, смеясь: «Э-э-кха-ха-ха! Это тебе тот сказал?». И показывает руками – и рост небольшой, и усы, и огромную фуражку – того мужчину, что рассказал, как найти её. И опять, смеясь, пригрозила кривым пальцем, затем, приподняв юбку, под которой стояла на земле батарея запечатанных бутылок с наклейками под минеральную воду «Боржоми», взяла одну и протянула мне, показывая пальцами цену – два рубля, мол. Пока уходили с базарчика оглядываясь, бабушка всё так же плутовато смотрела, не отрываясь нам вслед, а когда уже были за решетчатой оградкой,

шутя, погрозила кривым пальцем: «Э - э - кха-ха-ха...». – Довольно посмеялась.

Идём с Санькой в сторону города, бутылку чачи он положил запазуху, придерживает сбоку. Решаем: посмотрим городок и на людях побудем. Попали в центр, где магазины и лавочки, осмотрелись. Спрашивали у местных - куда и как пройти. И всегда получали благожелательный ответ, будь то мужчина или женщина. Замечаем, что у мужчин спросом пользуются в основном белые брюки, молодые больших кепок не носят. У женщин в ходу всё же наряды тёмного цвета или из тканей подобия парчи. Санька идёт чуть позади меня, интерес ко всему потерял и ворчит по этому поводу: «Ментилитет такой, наши-то бабы любят чего - либо светлое одеть, и поярче...слушай, я уже устал, - и кивает себе на бок – там под рубахой у него перегревшаяся бутылка с чачей, - пошли куда ни-то, а?».

Понимаю приятеля – нестерпёж, но куда пойти?...

Выходим на одну из улочек городка. Тут опять надо понимать менталитет местных. Дома частные, в основном, двух-этажные, изредка встречаются и трёх. У каждого такого дома ограда и ворота из металлических решёток, прута металлического, высотой за два метра, всё у домика в тени, ограда обязательно увита плющом, виноградной лозой. Правда-нет, но о здешнем менталитете говорили так: в этом и любом двух или трёх этажном доме, могут быть голыми и стены, и полы, не быть мебели, на окнах может не быть штор, потому как

хозяин, увидев, что сосед выстроил, двухэтажный дом да ещё с металлической оградой, из кожи – вон, но, коль пришлось строиться, отгрохает трёхэтажный и ограду сделает, уж точно, повычурней и покрепче, бросив на это все силы и средства. Что ж, в каком-то смысле – похвально, здесь – налицо движитель прогресса. Хвала грузинскому менталитету! У одного такого домика в два этажа, с такой вот высокой оградой, густо увитой зеленью, мой напарник замедлил шаг.

Озираясь по сторонам, хотя на тихой улочке – никого, Санька достал бутылку с перегревшейся чачей и озадаченно посмотрел на меня – стакана нет, и закуски - никакой. Отвёл взгляд, бегло прочитал этикетку: «Минеральная вода «Боржоми». Хмыкнул: «А говорили – «Боржом-два». Зубами сорвал жестяную пробку с горлышка, вопросительно взглянул на меня – будешь? Я взял перегревшуюся бутылку из руки приятеля и помедлил. Наши-то бывалые, кто пробовал этот напиток, в разговоре хорошо отзывались о нём – и пьётся-то он сам собой, мягко, приятно пахнет и голова-то от него не болит, хотя и крепость приличная – и вообще, всем хорош, из винограда же. Однако, сделав пару небольших глотков из горлышка, я разубедился в том – хотя и тонкий слабенький аромат улавливался, но и забивался он откровенно горелым, сивушным, а крепость - так себе, водой отдаёт. Протягиваю бутылку Саньке. Тот вопросительно смотрит на меня – мол, как? И, не ожидая моего отзыва, запрокинув голову, с охотой приложился, заглотив приличную порцию: «Кха – х, чё-то

слаба..., а так – ничё...», - отдышался. Протягивает бутылку мне, на что я отрицательно мотаю головой. Санька доволен: «А я попью...» – поставив бутылку на землю, полез за куревом. Сладко затянулся ароматным дымком раз - другой, постояв, с признаками блаженной улыбки на вспотевшем лице, потянулся за бутылкой. Однако предвкушения маленького праздника для души Саньки были прерваны.

- Э - э - э! – громко послышалось из-за затенённой, увитой зеленью изгороди, - нэ нада так, зачём....

Вглядываясь в затенённую увитую ограду, я так и не узрел, кому принадлежал этот голос. Распахнулась калитка, невидимая в зарослях и тени, и перед нами предстал обладатель усадьбы, и, стало быть, голоса. Пожилой грузин в клетчатой рубашке, в армейском галифе и шлёпанцах на босу ногу, на голове войлочная шапочка - сванка, лицо густо заросло седой щетиной. Чем-то ещё возбуждённый или возмущённый, он предстал перед нами так неожиданно, что Санька, было приложившийся к горлышку, попятившись, куда и подевался признак безмятежности, промямлил испуганно, что-то похожее на «прости, батя», что вызвало у того новый всплеск эмоций. Замахав даже руками, он протестующее закричал: «Нэ нада прасти ... нэ нада так, зачём так пёшь?! – и распахнув настежь калитку, показав в неё обоими руками, громко приглашая, - захады...».

И, не оглядываясь, решительно направился вглубь усадьбы. Санька смотрел растерянно и испуганно, да и я тоже не

знал, как поступить – чем так рассердили мы пожилого грузина?

Тем, что нарушили «сухой закон»? Что-то не похоже. И я, и следом робко Санька, ступаем за калитку, стоим и топчемся, пока яростный голос откуда-то из зарослей со стороны дома «захады», не подстегнул нас двинуться в зелёный тунельчик по тропинке. Сделав несколько шагов, я обнаруживаю среди зелени просторный коридорчик, где стоят две каменные скамьи с каменным же столиком; я усаживаюсь на тёплый краешек одной, что ближе к тропке, Санька, всё время идущий сзади – на другую, через столик – напротив.

Огладываюсь по сторонам: если приглядеться, то сквозь зелень, густо заполонившую и оплетшую этот уютный тёплый уголок, можно увидеть всё что происходит за калиткой, на улице; по обе стороны тропки, ведущей к дому, пространство не просматривается – густо оплетено виноградной лозой, какими-то неизвестными нам растениями. Тропинка к дому в зелёном тунельчике просматривается хорошо - вижу его фрагмент. Окна первого этажа скрывает буйная зелень, ни у дома, ни на тропинке – никого. На Санькином лице отенок тревоги и ожидания чего-то непредсказуемого. Да и мне непонятно - зачем мы здесь. Санька нервно крутит пальцами на столике ополовиненную бутылку с чачей. Оба молчим....

За спиной Саньки, прямо ниоткуда, из стены зелени – вижу: появляется сначала красный глиняный поднос, на нём

такой же керамический запотевший кувшин с тремя такими же кружками и гроздьями зелёного винограда. Потом появляется сам хозяин, ставит всё на столик: «Вот!..». И, вытерев о штаны руки, протягивает мне ладонь: «Ираклий Чантурия!». Потом и - Саньке, знакомимся. Пододвигает уже налитые вином кружки для каждого: «Вот!». Но серые глаза хозяина останавливаются вдруг на чаче, он узловатыми пальцами пододвигает бутылку к себе, нюхает горлышко и брезгливо отодвигает: «Опять Манана?!». Показывает, глядя на меня вопросительно, руками, нос, мол, крючком? Я, тоже кивком, подтверждаю, и он смачно плюёт на тропинку, осуждающе покачивает головой: «Всю свою жизнь... Манана...». И задумался. А затем опять в сторону, и опять смачно, и даже с гневом: «Тьфу!». И опять задумался....

Можно предположить – что-то связывало старого грузина с этой некогда, может, красивой женщиной, безобразной старухой теперь, Мананой, продавшей нам бутылку чачи.... Что-то связывало....

Через мгновение, как бы опомнившись, и с сожалением за допущенную сентиментальность, что, по его мнению, не красит мужчину, (я-то это уловил – без сомнения), Ираклий на правах хозяина многозначительно приподнял свою кружку – за знакомство. Надо сказать, Ираклий хорошо говорил по-русски. Акцент появлялся только тогда, когда он чем-то был возмущён или взволнован.

Санька повеселел. Хозяин расспрашивал нас о том и о сём

– в пределах своей деликатности. Говорил больше со мной – сидели на одной скамье. С его стороны приглашения выпить с непременно тостом во имя чего и за что-либо следовали часто, но размеренно, не прерывая саму суть и смысл беседы. Узнав, что я из Сибири, Ираклий напомнил, что бывал в Новосибирске в молодости – перед войной, а теперь там учится в институте его внук. Тема беседы плавно менялась время от времени. Следует упомянуть здесь о напитке, каким угощал нас Ираклий, и отметить, что мы, живущие у черта на куличках, где-то в далёком далеке, не пробовали никогда и не знаем настоящих хороших вин.

Вино, которым угощал нас радушный хозяин, по его мнению, не лучший напиток, а по моему – превосходнейший нектар, дар богов, веселящий, поднимающий настроение, не отнимающий ни рассудка, ни дара речи, ни способности передвигаться на собственных ногах. Пахнувший приятно незнакомыми и знакомыми запахами из глубины прожитого всем человечеством - земли, воды и небес, цветов и трав, которые произрастали на этом отрезке времен, с любовью приготовленный и радушно поданный гостю. Тогда в разговоре, радушный грузин сетовал по поводу обрушившегося на них «сухого закона», по-грузински ругал правителя Шеварнадзе, предписывавшего даже ту немногочисленную лозу, что произрастает у него возле дома, извести, как были уничтожены уже целые гектары колхозных виноградников. А ведь это вино приготовлено им именно из этих ягод, которые мы

с Санькой видели перед собой созревающими. Но ещё о вине: Ираклий тогда говорил, что это вино нужно пить именно из глиняной посуды, и именно при той температуре, который сохраняет его подвал. А будь оно похолоднее – потеряется букет запахов, или, тем паче, потеплее – тьфу! Ираклий смачно сплёвывал – просто вылить и всё! Будет кислить! Нам, живущим далеко от этих цветущих мест, сия наука была незнакома вовсе....

Санька, теперь расслабившийся, но не потерявший бдительности, (трусоват или осмотрителен?), что-то узревший за оградой, вдруг схватил бутылку с чачей и торопливо поставил себе в ноги под стол, чем вызвал недоумение и изумление хозяина, а затем, кажется, и негодование. Вот он, батюшко, Менталитет! У каждого - свой. По тропинке по направлению к нам двигалась фуражка с красным околышем – милиционер.

Этот санькин поступок Ираклия вывел из себя. Увидев милиционера, он закричал, опять вплетая акцент: «Э-э... нэ нада так...я угощаю.... Я плачу! Нэ нада!». На что Санька мигом водрузил чачу на место.

Подошел милиционер в чине лейтенанта, парень лет двадцати пяти, среднего роста, в фуражке с белым чехлом поверху, с Ираклием обменялись несколькими фразами по своему. Из коих я понял только «генацвали» да «гамарджоба». Затем он по-русски поприветствовал нас, вопросительно взглянув сначала на хозяина. Обменялся с ним опять

несколькими фразами и только тогда, пожав нам с Санькой руки, объявил: «Георгий». Снял фуражку, положил на столик, стал разглядывать этикетку на бутылке с чачей, и, ни слова не сказав, равнодушно отвернулся от неё. Ираклий, тем временем что-то по-грузински прокричав в сторону дома, из чего я уловил только «Софико», обращаясь к кому-то из женщин, услышав что-то в ответ, уж по-русски гневно добавил «не твоё дело», не спеша, отправился следом, и тут же вернулся с ещё одной кружкой и сыром на тарелке. Тут же нырнул с опустевшим кувшином в заросли, и мигом появился - с наполненным, запотевшим: «Вот!»

Первый тост, уже вчетвером, был опять произнесён хозяином – за знакомство и за дружбу. Санька выпил залпом, Георгий тоже - до дна, но, не спеша и с достоинством – положение обязывает, Ираклий - только отпил, меня же похлопав по спине, заставил допить до конца. Затем милиционер, поблагодарив хозяина и нас за компанию, аккуратно надев фуражку, вежливо удалился, крутанув разок за горлышко бутылку со злополучной чачей.

Санька вопросительно смотрит на меня – остаться или уходить? Хозяин же, уловив, показывает рукой – сидеть, вы, мол, гости, а милиционер – у него работа такая, а здесь - я хозяин.

Потом он рассказывал – в войну воевал где-то здесь же неподалёку, был ранен, у него погиб на войне один из братьев, имеет двух сыновей и две дочери, внуки есть. Рассказы-

вал, что где-то в окрестностях есть могила русских лётчиков, погибших в тридцатых годах - разбился самолёт с экипажем, и что каждый год в день гибели многие жители там устраивают что-то вроде поминок, с уважением чтят память, а потом и проговорился – Манана-то красивой была в молодости, а теперь – тьфу! Всю-то жизнь торгует чачей, а теперь иногда и совсем плохой, где совесть? И... опять задумался....

Расставались, припозднившись, Ираклий наказывал: «Будешь когда тут – заходи к Ираклию». На душе у меня было хорошо от общения и хорошего вина, от дружеского рукопожатия на прощанье....

Санька, всё же прихвативший с собой бутылку с никчемной чачей, тоже был в хорошем расположении духа, но и чем-то озадачен. Пройдя рядышком какое-то время, отстал. Я обернулся. Он рассматривал наклейку на бутылке, нюхал горлышко, но, увидев, что я смотрю на него, произнёс: «А хороший дед, этот Ираклий, душевный...и винишко-то у него ничё. Тебе понравилось? А эта, чача... так себе...». И выбросил без сожаления, кажется, в заросли акации у дороги.

Следующий день отдыха – у нас он был последним. Утром до завтрака у нас с Санькой был марафон на тот источник с минеральной водой – показать, ему – то с женой ещё отдыхать. Вечером, на прощанье я собрался пробежаться по окрестностям, Санька тоже пристал. Возвращались не спеша, в сумерках среди сосен слышали необычайной красоты

пение. Пели по голосам, грузины, мужчины, о чём уж, нам неизвестно, но с душой и чувством, красиво и слаженно, но, наверное, это была красивая, душевная песня о любви, иначе - о чем можно так ещё петь?! Мы невольно уклонились на пение, но оно вдруг прекратилось. Навстречу нам из сумерек вышло трое. Один из них, тот самый, что вчера рассказывал где купить выпивку по пути в городок. В том же самом наряде. Узнал нас с Санькой, шагнул навстречу: «Гамарджоба, ну, чача нащёл?» И пожав руку, заулыбался....

Воспоминания на фоне наступивших перемен, что далеко не к лучшему, невольно заставляют нас оглянуться на хорошее, прожитое. Ушедшее, всему вопреки и подвернувшейся на ум поговорке, коих не перечесть, наподобие той, что говорит: «Семь раз отмерь – один отрежь», или ещё - «Паны дерутся, у холопов - чубы трещат». Потеряно такое важное – взаимопонимание народов единоверцев, живущих рядом много веков. Кто сейчас вспомнит за вспыхнувшей ссорой политиков, что один из русских государей, имея нужду во всём, ведя затяжную войну с серьёзными неприятелями в Прибалтике, Турцией, крымским ханом, с беспокойными ещё соседями – остатками Золотой Орды, направил по просьбе грузинских царей им в помощь отряд вооружённых стрельцов, немногим более тысячи. Никто из них не вернулся назад, но ценою своих жизней они тогда в прямом смысле спасли грузинский народ от полной гибели от турецких сабель и персидских кинжалов. Потом было ещё много таких

моментов. Грузины это помнили и многие искренне служили во благо России, многие себя без России и не мыслили. Помнят ли теперь? И нам было хорошо иметь доброго соседа в лице Грузии.... Как было совсем недавно....

Интересно – зазвал бы в гости теперь нас гостеприимный Ираклий? Чтят ли ещё грузины память русских лётчиков, погибших ещё в 30-х годах прошлого века, устраивая ежегодно поминки на месте их гибели и похорон? И в Боржоми теперь не поехать. Грущу по утраченному.... **Январь 2008г.**

БАБУШКИНЫ ШУТКИ

(Были-небыли)

Мне одиннадцать лет. Совсем недавно умер отец. И моя мальчишечья чистая душа не разогнулась ещё от такой тяжести, свалившейся на неё. Под впечатлением всего этого я как-то замкнулся, мне не играется со сверстниками, не хочется сидеть на реке с удочкой – всё это кажется недостойным занятием и кощунственным даже. Очертания окружающего деревенского мира для меня стали суровее, будничнее, и теперь перед лицом непрошедшей ещё беды требовали от меня дел более взрослых, с пользой для моей осиротевшей семьи.

Вон ещё дров не полностью наготовили на зиму. Мама тоже не пришла ещё в себя, и в лес не ездим, допиливаем дома вручную, что осталось, по вечерам, а я утром и днём колю чурки и складываю в поленницы швырок.

Колхоз ещё не разрешил косить сено для своих подворий, потому как для колхозного скота сена заготовлено ещё не полностью. Забота о своей скотине висит надо мной. Вчера достал с чердака косу седьмого номера, отбил, как мог, наточил – опыт такой у меня имеется. Прихватил брусок, бидончик с водой, хлеба и огурцов с солью, отправился на гривы к Андрикову озеру. Там среди ржаных полей на пустошах всегда наши покосы. Твёрдо решил: буду косить помаленьку и втихаря...

Косил без устали, на сколько позволяли силёнки. Вечером, прихватив пустой бидончик с узелком и спрятав косу под ряд. Отправился домой. Дорога знакома. Прохожу желтеющую уже, высокую рожь – так ближе. Дальше по просёлку надо идти полем, через солончак, а вон уже за околком будет видна деревня. Иду устало, по-взрослому наработавшись.

Дошёл до солончака, оглядываюсь вокруг, вон и вышка деревянная геодезическая. Захотелось подойти к ней. Иду, в солончаке тоже интересно. Перепёлок полно, можно и гнездо отыскать. Гнёзда не зорю, подержу в руках тёплые рябенькие яички, положу назад – пусть перепёлочки выводятся!

Дошёл до вышки. Смотрю вверх. Слезить на неё или нет? Люблю лазить на неё, и с высоты посмотреть хочется. По трём гниловатым уже, одряхлевшим лестницам, кое-где без перекладин, залез на самую высокую площадку. С неё хорошо и далеко видно. Деревня вон, рядом – через прокоп – Андриковский канал и луг....

Осторожно спускаюсь по ветхим перекладам лестницы. Солнце село, надвигаются душные сумерки, трещат кузнечики, перепёлки шмыгают под ногами, изредка взлетают, а те, что сидят в отдалении, уже завели вечернюю песенку, «фьють – пюре» – спать пора, что означает «спать пора», так говорила мама. А перепёлки шмыгают, изредка взлетают и тут же опускаются в мятлику, трава так зовётся солончаковая, такую не сразу и скосишь – стебель тонкий и длинный, всегда. В любое время года полусухой и желтоватый, а в конце короткая метёлочка, не понять из чего, соцветия или семян уже. Идёшь по ней, она после ног твоих пружинисто разгибается, и следов твоих уже нет, дорожки среди травы нет, а подует ветер – она волнами ходит, но не гнётся – мельтешит. То ли за это её так называют – мятлика, то ли – за семена, бесцветные метёлочки. Интересно...

Иду дальше, по клеверу уже у околка, за ним и деревня. Вижу – из околка идёт кто-то мне навстречу, узнаю - не узнаю, гадаю – кто бы это? Женщина идёт пожилая, в халате рабочем коричневом и в платочке чёрном, сбоку корзинка у неё.

- Бабушка Непрелёва, - думаю, - она каждый год приезжает из Ленинграда, родилась здесь ещё до революции. В родные места её тянет. Собирает здесь летом клубнику лесную, лекарственные травы, сушит. С мамой дружит, живёт у соседей. Хорошая бабушка. Только почему-то поздно она в лес собралась, смеркается уже.

Отмахиваюсь от мошки и комаров, поравнялся с бабаушкой. Она от комаров не отмахивается – платок глухо на лице повязан. Идёт и идёт мне навстречу.

- Здрасьте, Христинья Андреевна, - кричу. Бабушка в ответ приседает и что-то в траве ищет, уже нагнувшись, отвечает незнакомо так: «Здрасьте, здрастьте, клубок напастей, кончик найдёшь – домой придёшь...»

Про себя удивляюсь – складно-то как, но к чему тут клубок да напасти. К тому же мне показалось, что бабушка спрашивает: «Домой идёшь?»

- Домой, домой, - отвечаю я странной почему-то бабушке. И иду восвояси, но оглядываюсь – что-то не похожа она на нашу приветливую Христинью Андреевну. А бабушка идёт по клеверу, приседает - разгибается, приседает – разгибается. И так удаляется.

- Может, клевер собирает для лекарства, - думаю, иду дальше. Ещё оглядываюсь. Бабушка уже идёт по солончаку, по мятлике, нагибается регулярно, что-то ищет. Там ни клубники лесной, ни клевера нет. Чего это она? А сам думаю – что-то странно всё. Нет, не наша это бабушка....

Радуюсь – домой иду. Прохожу меж последними околками. Там должно быть поле, за ним – прокоп, Андриковский канал так зовут сельчане, а там – и до дома рукой подать. Но... за околками - только поле, а деревни не видно и не слышно. Комары едят. Озадачен...

Думаю – правее немного взял, хотя – нет, стою на доро-

ге меж околков, а дорога эта всегда домой вела. Но всё же: ошибся – думаю. Так через дорогу, что из Верх-Ичи ведёт всё равно выйду к реке, а потом – и к деревне. Странно... странно....

Оглядываюсь, а вышка-то рядом почему-то, за мной, хотя её не должно бы быть видно – за околки зашёл, а она – вот тебе, через поле, а на поле том – всё бабушка в коричневом халате. Пройдёт шага три и – присядет, пройдет шага три и – присядет. Странно... Особенно когда заметил, что бабушка приседает так резво и через равные промежутки – через три шага ровно. Нехорошо как-то стало – не бабушка вроде, а заведённая игрушка...

Иду дальше как во сне, ни на какие ориентиры не смотрю – иду и иду. И прихожу на то место, где только что косил.

-Ну, - думаю, - ничего – отсюда дорога известна, и вышка-то – то – вон она.

Через рожь опять выхожу на просёлок. А вышка вот, справа – правильно стоит. Но уже темнеет. А про бабушку забыл напрочь, и не видно уже ничего чуть подальше. Держусь прямоком по дороге на те последние околки. Захожу за них, а деревни нет. Оглядываюсь на вышку. Она стоит опять правильно – правее, сзади, но... из-за околка-то я не должен бы её видеть. Впереди поле, а деревни нет,... Нет деревни.... Не может быть – и иду через поле. Что-то знакомое угадывается на поле и в его очертаниях, но деревни нет...

Иду и иду в сумерках и оказываюсь ... опять на своём

покосе. Раздумывать некогда. Опять выхожу через рожь на просёлок, по нему – к тем околкам, до них всего пара километров, выхожу за них и оказываюсь... опять на покосе. А деревни не видно и не слышно, и скотина не мычит. Не чертыхаюсь уже, до того ли, и так уже по уши в чертовщине. На покос обратно выхожу, а через рожь ни разу не шёл. Стенело. На западе уже только признаки отблеска заката.

Делать нечего – домой как-то надо попадать. Беру от покоса своего по ржи левее, но там дороги нет, там глухие околки, но между ними есть прогалины узкие, не ошибиться бы – так к деревне поближе. Так думаю....

Прохожу рожь, мокрый весь – роса уже выпала. В темноте угадывается промежуток между околками, стараюсь идти туда. Прохожу лес, чувствую – местность понижается и в темноте упираюсь ... на километр дальше, но за моим покосом в стожок. Я знал это место. Оно поближе к озеру и ряму, в низине и до него примерно с километр, в противоположную сторону на север, с другой стороны совсем. Стожок этот с зимы остался, не воспользовались им соседи – снега были глубокие.

В темноте разворачиваюсь в сторону гривы, к ржаным полям, через мой покос, и опять иду через рожь. Выхожу на просёлок в сторону деревни. Справа, западнее – небо светлее, там и вышка – правильно иду. Иду, иду к тем последним, у деревни, околкам и упираюсь... опять в стожок. Вон там и рям с озером, на озере в темноте гагары и утки пере-

кликаются.

Делать нечего – ночевать надо. Пытаюсь вырыть нору в слежавшемся затхлом сене. Весной-то снежок стоял в воде. Кое-как вырыл нишу с южной стороны стожка, ободрал в кровь руки о жесткое сено. Прислоняюсь в нишу и закрываю вход пластом прошлогоднего затхлого сена.

Надо ли говорить, как мальчишка такой впервые один в лесу ночевал. Хотя, леса мы, деревенские дети, днём ни-сколечко не боялись. Кричал в ряму филин, сова в темноте садилась на стожок, шуршала опереньем, невидимая, таинственная, возились, попискивали в сене мыши – до сна ли. К тому же на выходе из низины у околка всю ночь стоял кто-то – курил, что ли? Огоньки мелькали. Смотрел, смотрел – нет вроде бы, на одном месте огоньки, а, может в темноте глаза чьи-то светятся. К утру погасли огоньки, но комары всю ночь донимали.

Утро едва задымилось туманом сквозь рассвет, а я уже покинул свою нору, по мокрой траве сквозь туман добрался до своего покоса. Иду опять через высокую мокрую рожь к дорожке, что напрямик ведёт к тем злополучным околкам, за которыми, уверен – деревня. Вышка так же стоит за солонцами – правей. Правильно иду – думаю. Туман рассеивается. Вижу – от околков мне навстречу идёт кто-то в коричневом, пересекает впереди меня дорогу в сторону солонцов – к вышке, и... приседает, наклоняется, приседает каждые три шага. И так уходит...

Нехорошо как-то стало, когда вспомнил про вчерашнее, но и любопытство моё никуда не денешь. Вглядываюсь во след – так и есть... бабушка вчерашняя. И опять наивно думаю – что же она такую рань тут делает. И сворачиваю во след приседающей бабушке, встряхиваю росу с той самой травки – мятлики, отчего остаётся после меня на траве тёмная дорожка. Но вот... от приседающей старушки такого следа не остаётся.

- Эге, - думаю, - да тут нечисто что-то – и дальше не иду. Но страха уже нет, какая-то растерянность в моей наивной душе, а любопытство пересиливает. И гляжу во все глаза во след удаляющейся старушке. А в тумане уже и не разобрать кто. Уже и не фигура старушки, и уже не приседает это нечто и не наклоняется – катится коричневый ком по росистой мятлике, мельтешит иногда, удаляется, но следа на росистой траве нет. Глаз не свожу, а понять – что же это такое, не могу. Нет уже и того катящегося коричневого кома, в тумане по росистой траве уже скачет что-то коричневое, похожее на большой мяч или небольшой шар, мимо вышки в сторону леса, подпрыгивает иногда над низким нижнем слое тумана. Напрягаю зрение.... Но там уже заяц скачет серый, нет, кажется, коричневый почти, летний заяц. Отчётливо вижу - ушки заячьи, кажется. Скрылся в тумане....

Верю и не верю всему увиденному собственными глазами. Поворачиваю к дороге, дошёл до околков и слышу мычанье скота, пощёлкивание кнута и окрики пастушьи. Стадо

на пастбище гонит дядя Лёня, в тумане и не видать, но голос его.... Блеют овцы, мычат коровы, в деревне кто-то уже косу отбивает – слышно. И петухи поют. Верю и не верю – деревня. А вчера-то ничего не было здесь, не видно и не слышно. А стадо по траве уже бредёт мимо меня....

По деревенской улице со стороны нашего дома идёт мне навстречу Христинья Андреевна, улыбается, удивляется: «Где ты пропадал, тебя дома обыскались со вчерашнего дня?» Приветливо смотрит серыми глазами сквозь очки. На голове тёмный платок, коричневый длинный, но домашний халат байковый, глухо застёгнут, перепоясан, в руках корзина – уже в лес собралась.

Я остолбенел, но тут же и обрадовался – нет, не та это бабушка, что в поле мельтешила – приседала, да потом в нечто неизвестное превратилась – не – то в шар коричневый, не-то в зайца.

Но кто же это был в поле? Сразу-то мне не до истины было – устал больно и страху натерпелся во время ночёвки. И вид мой, наверное, был жалок. Впрочем, лица-то бабушки той, что в поле, я и не запомнил – она сразу же приседать, наклоняться стала, в траве что-то искать. Запомнил взгляд только – необычные, зелёные, прозрачные серо-зеленые глаза, кажется, и зрачки тоже необычные – чёрной точкой. Взгляд не тяжёлый, а с лукавинкой, хитровато-насмешливый, шутоватый. Ну, простите, и шуточки....

Только знаю, до этого таких глаз не встречал ни у кого.

В ту осень мне предстояло учиться в пятом классе в Верх-Ичинской школе. Однажды на перемене стояли мы на мосту через реку Ичу, что рядом со школой. День солнечный осенний, тёплый ещё. Зазвонили на урок. Все побежали в классы, я чуть поотстал, но потом тоже поспешил с моста и увидел: идёт навстречу бабушка в коричневом рабочем халате, в тёмном платочке. Корзиночка с грибами в руке. И глаза зелёные такие, молодые, зрачки маленькие такие – чёрной точкой, уставилась на меня неприятно как-то сразу, но потом со смешинкой- лукавинкой. На губах у бабушки усики реденькие черные, неприятные, и губы улыбаются чуть приветливо, насмешливо. Зелёные глаза моргнули раз-другой, кажется, узнав меня, и зрачки – точки потеряли ко мне всякий интерес. Прошла бабушка...

Бабушка прошла, не оглянувшись, а я истуканом стоял на мостике – глаза-то, глаза.... И усики тоже.... Про усики у бабушки только сейчас вспомнил.

На урок опоздал чуть, прибежал запыхавшись. За партой перевёл дух, спрашиваю у соседа, Миши Томилова: «А что это за бабушка, что на мосту встретилась?»

-Да Груздиха это – бабушка, - ответил он как-то нехотя, - а чо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.